

ISSN 2519-4151

ІНТЕГРАТИВНА АНТРОПОЛОГІЯ

Медико-філософський журнал

№ 2 (32)
2018

ІНТЕГРАТИВНА **А**НТРОПОЛОГІЯ

Медико-філософський журнал

Засновник

Одеський національний медичний університет

Головний редактор

Академік НАМН України,
лауреат Державної премії України **В. М. ЗАПОРОЖАН**

Науковий редактор

Доктор медичних наук професор **Р. С. ВАСТЬЯНОВ**

Відповідальний секретар

Кандидат медичних наук доцент **С. П. ПАШОЛОК**

Редакційна колегія

**К. В. Аймедов, М. Л. Аряєв, Ю. І. Бажора, В. Є. Вансович,
Р. С. Вастьянов, Ю. В. Вороненко, Л. С. Годлевський,
І. В. Голубович, Т. В. Дегтяренко, І. А. Доннікова,
І. В. Єршова-Бабенко, В. Й. Кресюн, Г. Ф. Кривда,
О. О. Мардашко, І. Г. Мисик, С. П. Пашолок,
В. І. Подшивалкіна, С. В. Пустовіт, І. Й. Сейфулліна,
О. М. Стоянов, В. Б. Ханжи**

Редакційна рада

**Іон Абабій (Молдова)
Олена Вальдман (Росія)
Тетяна Гардашук (Україна)
Микола Головенко (Україна)
Ігор Гук (Австрія)
Ірина Добронравова (Україна)
Енні Жанг (Китай)
Микола Кисельов (Україна)
Віталій Кордюм (Україна)
Сергій Максименко (Україна)
Спірос Маркетос (Греція)
Джеймс Сміт (США)
Деніс Уїтлі (Велика Британія)
Рольф Цинкернагель (Швейцарія)
Євген Чазов (Росія)
Віктор Чупіна (Румунія)**

Зміст

Contents

Філософські проблеми науки

Philosophical Problems of Science

О. В. Артьомов, Е. С. Бурячківський
Інтелект поза біологічним носієм
(медико-біологічний і філософський погляд
на проблему штучного розуму) **4**

O. V. Artyomov, E. S. Buryachkivsky
Intelligence Out of the Biological Media
(Medical-Biological and Philosophical View on
the Problem of Artificial Mind)

І. Г. Утюж, А. Д. Городокін
Самоспричинені психічні розлади
епохи глобальної інтернет-комунікації.
Медико-філософський аспект **9**

I. G. Utyuzh, A. D. Gorodokin
Self-Induced Mental Violations in Age of
Global Internet-Communication.
Medical and Philosophical Aspect

В. Б. Ханжи
Фрідріх Ніцше і Микола Бердяєв:
чи володіє етичним вектором
свобода волі? **13**

V. B. Khanzhi
Friedrich Nietzsche and Nikolai Berdyaev:
Does Free will Have
the Ethical Vector?

***Методологія
інтегративних процесів***

***Methodology of
Integrative Processes***

О. О. Терзі
Методологія дослідження
інтеграційних процесів
у сфері охорони здоров'я **23**

O. O. Terzi
Methodology of Research of
Integration Processes in
the Healthcare Field

***Патологічні стани
і сучасні технології***

***Pathological States and
Modern Technologies***

М. М. Пустовойт, Р. В. Кечур,
В. Л. Єшкілев
Місце психіатрії в постмодерному суспільстві **27**

M. M. Pustovoit, R. V. Kechur,
V. L. Yeshkilev
The Place of Psychiatry in Postmodern Society

С. І. Кіркільєвський, А. О. Машуков,
А. І. Рибін, О. М. Згура,
В. Є. Максимовський, Р. Р. Ярема,
В. А. Лінкевич, Д. М. Осадчий
Оцінка значущості змін у клінічних аналізах
пацієнтів, які перенесли процедуру
внутрішньочеревної гіпертермічної хіміоперфузії
з приводу пухлин шлунково-кишкового тракту 30

S. I. Kirkilevskyy, A. O. Mashukov,
A. I. Rybin, O. M. Zgura,
V. Ye. Maksymovskyy, R. R. Yarema,
V. A. Linkevych, D. M. Osadchyy
Estimation of Changes in Clinical Analysis of
Patients Who Were Performed the Procedure of
Hyperthermic Intraperitoneal Chemotherapy at
Gastroabdominal Tumors

Т. В. Дегтяренко, В. Ф. Коджебаш
Вплив структуроутворюючого хімічного
хвильового поля на формування організму
людини. До 20-річчя видання
книги А. Н. Барбараша
«Волновые процессы в живом:
основы стереогенетики
и физиологии мышления» 35

T. V. Degtyarenko, V. F. Kodzhebash
Influence of Structural Chemical
Wave Field on Human Organism
Forming. To the 20th Anniversary of
A. N. Barbarash's book
"Wave Processes in the Living:
Fundamentals of Stereogenetics and
Thinking Physiology"

І. П. Хоменко, Є. В. Цема,
В. Ю. Шаповалов,
С. В. Тертишний, М. М. Гринчук
Діагностичні можливості
спектральної інфрачервоної термографії
у лікуванні вогнепальних поранень м'яких тканин 43

I. P. Khomenko, Ye. V. Tsema,
V. Yu. Shapovalov, S. V. Tertyshnyi,
M. M. Grinchuk
Diagnosis with Spectral Infrared
Thermography in
the Treatment of Gunshot Wound of Soft Tissue

Я. М. Гуртова, С. А. Шнайдер,
В. Є. Бреус, В. О. Ульянов
Особливості хімічного складу емалі
постійних іклів людини 48

Ya. M. Gurtova, S. A. Schneider,
V. Ye. Breus, V. O. Uliyanov
Chemical Composition of the Enamel of
Permanent Canine Teeth

Юбілеї

Anniversaries

І. П. Попеско-Гуркалова,
І. А. Кузьменко, І. О. Остапенко
Микола Никифорович Зайко —
видатний український вчений-патолофізіолог,
педагог і громадський діяч.
До 110-ї річниці з дня народження 52

I. P. Popesko-Gurkalova,
I. A. Kuzmenko, I. O. Ostapenko
Nikolay Nikiforovich Zayko is
an Outstanding Ukrainian Scientist-Pathophysiologist,
Teacher and Public Figure.
To 110th Anniversary

Людина і суспільство

Person and Society

О. І. Афанасьєв, І. Л. Василенко
Складність як антропний феномен 55

O. I. Afanasyev, I. L. Vasilenko
Complexity as an Anthropic Phenomenon

О. П. Пунченко, І. І. Дидишко
«Нова Просвіта»
в архітектоніці
трансформаційних процесів
суспільного розвитку 60

O. P. Punchenko, I. I. Dydyshko
"New Enlightenment" in
the Architectonics of
the Transformation Processes of
Social Development

I. I. Рейдерман, А. С. Зиневи́ч
**Цілісність особистості
як філософська і психологічна
проблема 68** I. I. Reyderman, A. S. Zinevich
**Integrity as
a Philosophic and Psychologic
Problem**

В. Г. Марічереда, О. П. Рогачевський,
В. І. Борщ, Н. В. Кривцова
**Сучасні технології
підвищення якості медичної освіти 74** V. G. Marichereda, O. P. Rogachevsky,
V. I. Borshch, N. V. Kryvtsova
**Modern Technologies of
Medical Education Improvement**

Тези доповідей конференції 78 Abstracts of the Conference

**Правила оформлення статей The Manual of Article Style
для журналу «Інтегративна антропологія» 89 for the Journal “Integrative Anthropology”**

Друкується за рішенням Вченої ради Одеського національного медичного університету
Протокол № 12 від 25.06.2018 р.

Printed by the decision of Academic Council of the Odessa National Medical University
Protocol № 12 of 25.06.2018

До відома авторів!

Наказом Міністерства освіти і науки України № 1714 від 28 грудня 2017 р. журнал «Інтегративна антропологія» включено до Переліку наукових фахових видань України, в яких можуть публікуватися основні результати дисертаційних робіт з медицини.

By the Order of the Department of Education and Science of Ukraine № 1714 of 28.12.2017 the journal “Integrative Anthropology” is added to the list of editions which publish results of dissertations in medicine.

Інтегративна антропологія. Медико-філософський журнал [Text] /
funder the Odessa National Medical University. – 2001 ; Odessa :
ONMedU, 2018
2018 N 2 (32). – 100 copies
ISSN 2519-4151

© Одеський національний медичний університет, 2018

Інтегративна антропологія. Медико-філософський журнал № 2 (32) 2018. ISSN 2519-4151.	
Адреса редакції: 65082, Україна, Одеса, Валіховський пров., 2 Телефони: (067) 734-74-99 (048) 711-72-54 (048) 728-54-74 Сайт: http://anthropology.odmu.edu.ua E-mail: vastyanov@odmu.edu.ua	Редактор випуску В. М. Попов Літературні редактори і коректори А. А. Гречанова, Р. В. Мерешко, О. В. Титова Художній редактор А. В. Попов Комп'ютерний дизайн, оригінал-макет А. В. Попов Поліграфічні роботи І. К. Каневський <i>На обкладинці:</i> Андрій Везалій. Гравюра з книги «Про будову людського тіла» (1543 р.)
Журнал зареєстровано у Міністерстві юстиції України. Свідоцтво про реєстрацію КВ № 22314-12214ПР від 23.09.2016. Передплатний індекс 08210. Підписано до друку 28.12.2018. Формат 60x84/8. Папір офсетний. Обл.-вид. арк. 13,0. Тираж 100. Зам. 2049. Видано і надруковано Одеським національним медичним університетом. 65082, Одеса, Валіховський пров., 2. Свідоцтво ДК № 668 від 13.11.2001.	

Пропонуємо нашим читачам деякі матеріали II Міжнародної наукової конференції «Людина як цілісність: філософський, психологічний, медичний та юридичний полілог», осіннє засідання якої відбулося 10 жовтня 2018 року. Запрошуємо науковців взяти участь у наступних етапах цього форуму.

УДК 009:168.522

А. И. Афанасьев¹, д-р филос. наук, проф.,
И. Л. Василенко², канд. филос. наук, доц.

СЛОЖНОСТЬ КАК АНТРОПНЫЙ ФЕНОМЕН

¹ Одесский национальный политехнический университет, Одесса, Украина,

² Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова, Одесса, Украина

УДК 009:168.522

А. И. Афанасьев¹, И. Л. Василенко²

СЛОЖНОСТЬ КАК АНТРОПНЫЙ ФЕНОМЕН

¹ Одесский национальный политехнический университет, Одесса, Украина,

² Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова, Одесса, Украина

Сложность рассматривается как созданный человеком феномен в попытках осмыслить природный и человеческий мир. Реализуется феномен сложности в синергетических, редукционистских, междисциплинарных, комплементарных и теоретико-системных стратегиях.

Ключевые слова: сложность, синергетика, редукционизм, междисциплинарность, трансдисциплинарность, дополнительность, система.

UDC 009:168.522

A. I. Afanasyev¹, I. V. Vasilenko²

COMPLEXITY AS AN ANTHROPIC PHENOMENON

¹ Odessa National Polytechnic University, Odessa, Ukraine,

² A. S. Popov Odessa National Academy of Telecommunications, Odessa, Ukraine

Complexity is regarded as an anthropic phenomenon in attempts to comprehend the natural and human world. The phenomenon of complexity is realized in synergistic, reductionistic, interdisciplinary, complementary, theoretical-system strategies.

Key words: complexity, synergetics, reductionism, interdisciplinarity, transdisciplinarity, complementarity, system.

В последнее время значительно увеличилось число публикаций, посвященных проблеме сложности. Это свидетельствует не только об актуальности и важности данного вопроса, но и, как кажется на первый взгляд, является отражением того факта, что человек все больше сталкивается со сложными объектами, причем не только в науке, но и в обыденной жизни, в экономике,

политике, искусстве. Поэтому большинство авторов отмечают усложнение того мира, в котором находится человек [5]. Однако резонно задать вопрос: разве тот мир, в который вступил человек на заре своего становления, был проще нынешнего? Ведь несколько десятков тысяч лет, в течение которых разумный человек присутствует в этом мире, слишком мало для заметного его изменения. Скорее верно другое: человек начал выделять для себя в мире такие фрагменты реаль-

ности, осмыслить которые без понятия «сложность» он не в состоянии. Так появляются сложные объекты науки, сложные инженерные мысленные конструкции, которые иногда воплощаются в реальность. В таком виде они, возможно, сложнее природных феноменов, во всяком случае более громоздкие и неуклюжие. Но значит ли это, что окружающий мир сложен априори и стремление его познать должно продуцировать сложные идеальные и вещественные модели? Или, напротив, мир простой, и лишь человеческая ограниченность продуцирует сложные объяснения и теории, модели и подходы? Интуиция подсказывает, что верно второе, хотя бы потому, что объединить в более или менее компактную модель все имеющееся знание не представляется возможным: подобная сложность не по плечу человеку. В то же время мир, лишь частично выраженный этим знанием, компактен, упорядочен, в этом смысле разумен, и отдельные хаотичности лишь модернизируют порядок. Вот и выходит, что сложность есть лишь более или менее удачная попытка осмыслить природный (да и человеческий) мир.

С точки зрения Бога или Абсолютного Разума, независимо от того, реальны они или воображаемы, мир должен быть простым. Во всяком случае, если не погружаться в тонкости агностицизма, все можно описать и объяснить. Сложным кажется непонятное или малопонятное. Как только получено вразумительное объяснение, сложное кажется уже простым. По-видимому, эти наивные интуиции лежат в основе человеческого стремления выразить сложное через простое. Выходит, что мир сложен лишь с точки зрения человека, да и эту сложность он всячески пытается упростить.

Существенно отметить, что жить в сложном мире человеку затруднительно, если вообще возможно. Поэтому с первых шагов он начинает создавать более простой мир вокруг себя: живет в пещерах, а потом и в домах, где нет природного разнообразия ветров и температур, разводит животных и растения так, чтобы упростить их функции, исключив «лишнее», то есть ему не нужное, или просто не обращая на это внимание. Да и наука была создана ради упрощения: галилеевское описание движения проще и понятнее, чем, скажем, философское того времени. Правда, вопреки ожиданиям, человеческая жизнь постепенно усложнялась: становились сложнее и «вторая природа», и социум, и вообще все формы жизнедеятельности, и, соответственно, попытки научного осмысления этого. Усложнение и уве-

личение разнообразия есть закономерность эволюции человеческого мира как отражение несовершенных представлений человека и их реализации.

В то же время человек, особенно в быту, относительно легко приспосабливается к сложным социальным связям и отношениям, сложной технике, сложному производству, относясь к ним как к простым. Действительно, потребителю нет дела до сложнейшего устройства телевизора или мобильного телефона, достаточно освоить несколько кнопок, и сложность работает весьма просто. Любая сложнейшая технология, даже грандиозный научный исследовательский проект, раскладывается на простейшие операции. Есть множество примеров, скажем, краудсорсинга, когда для решения определенных проблем инновационной научной или производственной деятельности используются способности простых людей без сложного образования, в том числе непрофессионалов, которые работают из престижных соображений или обычного интереса. Уместно вспомнить известный проект NASA, поставивший задачу проанализировать огромный массив снимков марсианской поверхности преимущественно силами любителей астрономии [16]. Примером может служить и просьюмеризм (*prosumerism* — созидающее потребление или одновременное производство и потребление), ставший возможным по ряду причин, среди которых не последнюю роль играет упрощение производства сложных вещей [11; 12].

В повседневности не ощущаются многие сложные феномены, например, глобальные проблемы. Более того: глобальное потепление для северной Европы и Сибири в быту оборачивается похолоданием из-за остужения и оттеснения на запад таящими льдами европейской «печки» — Гольфстрима.

Похоже, только мыслители озабочены сложностью. В их представлении сложность становится серьезной проблемой, а то и непосильной ношей для человечества. Благодаря такой постановке вопроса сложность осознается многообразными терминами, моделями и стратегиями.

Стремление представить мир как сложный потребовало соответствующих образов-понятий, что привело в последнее время к появлению новых терминов и значительному расширению сферы их употребления: фрактал [7], голодвижение и голографическая модель Вселенной [10], ризома [4], сложностность [9], нелинейность и др.

Увлекающиеся натуры даже стали говорить об особом нелинейном мышлении, только и спо-

собном осмыслить сложность мира. Рассуждения о нелинейном мышлении напоминают рассуждения о диалектическом мышлении, призванном улучшить, если не заменить, формально-логическое мышление, что было весьма популярно в эпоху диалектического материализма. Однако осмыслить что-либо человек может только в рамках своей «примитивной» формальной логики и в точных, однозначных понятиях, что, впрочем, не исключает различные нелинейные, фрактальные, голографические, синергетические и прочие модели. И, если отбросить преувеличения, следует отметить плодотворность новых подходов. Впрочем, текучесть, изменчивость, неупорядоченность не выразить в текучих, изменчивых, неупорядоченных понятиях, хотя соответствующие образы-метафоры помогают пониманию этих феноменов.

Попытки осмыслить проблему сложности породили ряд моделей представления сложных феноменов, внутри которых довольно много подходов, теорий, программ, методологических стратегий.

В методологии науки хорошо осознано, что степень сложности во многом задается познавательными целями субъекта, поскольку любой исследуемый объект, не говоря уже о предмете, который выделен в нем соответствующей, изучающей его, дисциплиной, очерчен исследовательскими целями, методами, теориями и т. д. Априори у нас нет способов судить о том, что просто и что сложно [8, с. 45]. В принципе, любой объект или любая система может оказаться очень сложной или очень простой. «Подобно тому, как неожиданная сложность возникает в вынужденных колебаниях маятника, неожиданная простота обнаруживается в ситуациях, которые складываются под влиянием совместного действия множества факторов» [8, с. 45].

Причем важно отметить, что состояние исследуемого явления, характеризующееся как сложное, не всегда ему присуще, оно возникает при некоторых обстоятельствах, но определить заранее сложность поведения, как правило, невозможно. Особенно если речь идет о неустойчивых объектах, обычно описываемых синергетическими терминами «диссипативные структуры», «флуктуация», «нелинейность», «самоорганизация», «порядок и хаос» и др. Примечательно, что из описания начальных условий невозможно причинно вывести последующее состояние такого самоорганизующегося объекта, так как изменения в нем нарастают лавинообразно. Подобные объекты называются в синергетике сложны-

ми. «Сложность означает не только нелинейность, но и огромное число элементов с большим числом степеней свободы. Все макроскопические системы, такие, как камни или планеты, облака или жидкости, растения или животные, популяции животных организмов или человеческие общества, состоят из элементов, или компонентов (таких, как атомы, молекулы, клетки или организмы). Поведение отдельных элементов в сложных системах с огромным числом степеней свободы не может быть ни предсказано, ни прослежено в прошлом. Детерминистическое описание отдельных элементов может быть заменено эволюцией распределений вероятности» [6].

Синергетический подход позволяет представить многие сложные объекты в адекватных моделях. «Синергетику, по-видимому, можно рассматривать как стратегию, позволяющую успешно справиться со сложными системами даже в гуманитарных областях знания» [6].

Объекты гуманитарного знания часто считаются более сложными, чем природные или технические, в частности, потому, что они требуют для себя разнородные исторические, юридические, религиозные, литературные, психологические и др. данные. Эта почти единодушно признаваемая точка зрения требует уточнения, ведь не совсем понятно, что такое «сложность» и как ее измерить. Во всяком случае, общепринятого определения понятия «сложность» нет.

Как полагает К. Майнцер, многие объекты гуманитаристики можно представить в синергетических терминах. «Речь идет о междисциплинарной методологии для объяснения процесса возникновения некоторых макроскопических явлений в результате нелинейных взаимодействий микроскопических элементов в сложных системах. Макроскопические явления могут быть различными видами световых волн, жидкостей, облаков, химических волн, растений, животных, популяций, рынков, ансамблей мозговых клеток, характеризующимися параметрами порядка. Они не сводятся к микроскопическому уровню атомов, молекул, клеток, организмов и т. д. сложных систем. В действительности они представляют собой свойства реальных макроскопических систем, таких, как потенциалы поля, социальные или экономические силы, чувства или даже мысли» [6]. В таких случаях синергетический подход становится общенаучной стратегией исследования сложных феноменов.

В то же время не все сложные объекты имеют «синергетическую» природу, и далеко не всегда

их можно представить в рамках одной дисциплинарной модели.

Многие сложные объекты, особенно социогуманитарные, часто представлены междисциплинарными подходами. Например, историческая антропология, интересуясь различными сторонами жизни человека, от трудовой деятельности до религиозного экстаза, от биологических основ жизни до менталитета, вступает во взаимодействие с лингвистикой и искусствоведением, историей литературы, права, науки и техники, социологией и психологией, а также со многими естественными науками от географии до биологии. Для современной науки междисциплинарность становится нормой независимо от дисциплинарной прописки. Главная причина, по-видимому, заключается в том, что современная наука во многом перестает быть объектной, она становится проблемной в том плане, что проблема все чаще возникает на стыке различных дисциплин. Это иногда влечет становление новых дисциплин, а не решение проблемы именно междисциплинарным подходом.

Междисциплинарность предполагала кооперацию, своеобразный синтез различных дисциплин, подходов, методологий. Она, на первый взгляд, отражает извечное стремление науки к универсализации, что нередко действительно имеет место. Однако полученное в результате обобщенное знание часто означает возникновение новой дисциплины на стыке прежних и отмежевание от «родителей» с последующим уточнением и дальнейшей специализацией. Примером может служить социальная психология, возникшая как своеобразное обобщение социологии и психологии, но явившее собой особую дисциплину, отличную как от социологии, так и от психологии почти по всем параметрам. Подобная междисциплинарность превращается в другую дисциплинарность. Последнее имеет как положительное, так и отрицательное значение. В частности, с одной стороны, углубляется знание, с другой — возрастающая специализация затрудняет взаимопонимание исследователей и целостное понимание объекта и, кстати, увеличивает сложность «картины» объекта.

Дисциплинарность и междисциплинарность дополняются полидисциплинарностью и трансдисциплинарностью [2].

К примеру, описать такие объекты, как лес, Земля, человек, невозможно ни дисциплинарным, ни междисциплинарным подходами, поскольку нет ни таких дисциплин, ни «стыковок» различных, даже смежных дисциплин. Приходится до-

вольствоваться полидисциплинарным подходом, «сваливая в кучу» все дисциплины, изучающие эти феномены. Нагромождение различных дисциплинарных описаний требует согласования, систематизации, создание единой модели, единой методологии, единой методики или хотя бы согласующихся методик. Полидисциплинарность не в состоянии обеспечить то целостное видение объекта, которое бывает крайне необходимо. Ведь реальный полидисциплинарный объект един, целостен и его научное представление должно быть таким же, иначе трудно считать его понятым и познанным.

Полидисциплинарность порождает значительные познавательные и методологические трудности, некоторые из которых решаются как трансдисциплинарными, так и редукционистскими подходами.

Трансдисциплинарность, во всяком случае по замыслу, способна преодолеть ограниченность междисциплинарности и полидисциплинарности (мультидисциплинарности).

Трансдисциплинарность означает не просто выход за пределы отдельных дисциплин, а целостное, холистическое видение предмета исследования во всей его сложности. Если классическая наука склонна к упрощению сложного, что рождает дифференциацию и соответственно междисциплинарность, то современная неклассическая (постнеклассическая) наука пытается охватить реальность в ее сложности, многоуровневости, многомерности, что специально подчеркивается в шестой статье Хартии трансдисциплинарности: «В сравнении с междисциплинарностью и мультидисциплинарностью, трансдисциплинарность является многоаспектной и многомерной» [15]. В реальной исследовательской практике трансдисциплинарность оборачивается применением когнитивной стратегии некоторой дисциплины в другой науке, что нередко осуществляется в совместных проектах. Трансдисциплинарность, как правило, означает интеграцию не просто различных теорий и технологий ради практически важного результата (вертикальная интеграция), а интеграцию различных методов, в том числе специальных, из параллельно работающих наук (горизонтальная интеграция), направленных на получение нового теоретического результата, на решение собственно научных проблем. Именно трансдисциплинарность соответствует идеалу единого научного знания.

Однако и трансдисциплинарность не является общей панацеей от нарастающей сложности науки. Не следует сбрасывать со счетов «старый

добрый» редукционизм. По-видимому, редукционизм был исторически первой стратегической попыткой справиться со сложными объектами, и он не утратил своего значения в современной науке. Расширение основных положений механики на другие области знания в Новое время имело огромный научный эффект. Хотя с течением времени механицизм выявил свою ограниченность, как и различные варианты физикализма или натурализма, тем не менее, редукционизм, особенно примененный к новой неизведанной области, всегда имел огромное познавательное значение. В методологической литературе принято его критиковать, апеллируя к тем случаям, когда обнаруживалась несостоятельность редукционизма, например, при попытках объяснить мышление законами механики или свести историю культуры к биологической эволюции. Однако подобные случаи не свидетельствуют о несостоятельности, а всего лишь обнаружение пределов применения, которые заранее обнаружить невозможно.

Современная биология в значительной мере идет по пути редукционизма, путем обнаружения химии живого, результатом чего стало, в частности, открытие молекулы ДНК, что, в свою очередь, привело к открытиям во всех областях науки о живом: от вирусов и микробов до биологической истории человечества. Успехи в биологии позволяют предположить, что можно объяснить всю биологию в терминах химии и физики, что порой считают проявлением крайнего редукционизма, особенно если считать химические или физические явления более простыми, чем биологические. Но, с другой стороны, новые физико-химические теории живого более сложные, чем многие предыдущие, в том числе биологические, объяснения. Поэтому редукционизм не всегда сопряжен с примитивным упрощением. Все это требует, с одной стороны, понимания философско-методологического смысла простоты-сложности, с другой — современного осмысления принципа редукционизма.

Еще одной стратегической линией представления сложных объектов был и остается принцип дополненности, сформулированный Н. Бором. Потребность в такой стратегии связана не только с необычным, и в этом смысле сложным, поведением некоторых объектов, например, в микромире, но и с неспособностью науки непротиворечиво описать их в рамках одной теории, что, соответственно, значительно усложняет научную модель, поскольку приходится прибегать к взаимоисключающим, но дополняющим друг

друга представлениям. Многие социогуманитарные объекты также представляют собой своеобразные кентавры, которые невозможно непротиворечиво описать в рамках одной теории, и приходится прибегать к комплементарности [17], используя принцип дополненности в духе методологических идей Бора. Это касается и картин мира, и парадигм, и теорий, и других форм представления знаний в гуманитарных дисциплинах [1].

Например, некоторые гуманитарные теории соответствуют самым строгим канонам научности, от однозначных определений до разветвленного математического аппарата в структурной лингвистике или в количественной истории. Однако в той же лингвистике или истории есть и нестрогие теории, а микроистория вообще принципиально исключает общее, закономерное, регулярное и другие характеристики теоретичности и научности [3]. Очевидно, что согласовать столь разные, даже противоположные, подходы, каждый из которых дает замечательные результаты, можно лишь в духе боровской дополненности.

В то же время не ко всем объектам науки применимы синергетические, редукционистские, междисциплинарные или комплементарные стратегии, особенно в прикладных исследованиях. Часто достаточно обычных классических способов с применением традиционных количественных методов. Но ко многим объектам, в частности, гуманитарным, не всегда хорошо применимы точные количественные методы, например математические, главным образом из-за обычной «линейной» сложности объектов гуманитарного знания, а, возможно, также из-за того, что в недрах гуманитарного знания еще не выработаны те абстрактные формы, которые могут быть обработаны математическими методами [14, с. 11].

Решение вопроса о том, какие объекты сложнее или проще, требует измерения простоты-сложности. Эффективный способ предлагает параметрическая теория систем. Она предполагает выделение трех аспектов системного рассмотрения (системных дескрипторов): концепт, структура и субстрат. Эти дескрипторы могут быть соотнесены друг с другом. Например, отношение структуры к субстрату дает структурную организацию системы, отношение субстрата к структуре — субстратную организацию. В соответствии с дескрипторами выделяются различные типы простоты-сложности. Наиболее существенными являются пять типов: концептуальная, структур-

ная, субстратная, структурно-субстратная и субстратно-структурная типы простоты-сложности. Эти типы могут не соответствовать друг другу. Например, Великая Китайская стена, очень простая в структурном плане, обладает высоким значением субстратной сложности [13, с. 106]. Системная модель позволяет измерять сложность как количественно, так и качественно [14, с. 197–209]. Таким образом, параметрическую теорию систем также можно зачислить в ряд методологических стратегий исследования сложных феноменов.

По-видимому, единой стратегии исследования и решения проблемы сложности не существует, а интеграция существующих весьма сомнительна. Вызвав к жизни этот феномен, человек пока не может с ним справиться. Пока или в принципе не может?

Ключові слова: складність, синергетика, редуцціонізм, міждисциплінарність, трансдисциплінарність, доповненість, система.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки: монография. Одесса: Бахва, 2013. 288 с.
2. Афанасьев А. И., Василенко И. Л. Трансдисциплинарность и профессионализм. Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 2 (26). Гуманітарний дискурс: дисциплінарність, міждисциплінарність, трансдисциплінарність. Одеса: Акваторія, 2016. С. 8–18.
3. Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю. *Современные методы преподавания новейшей истории*. Москва: ИВИ РАН, 1996. С. 207–236.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Екатеринбург, 2010. 895 с.
5. Людина в складному світі. Суми: Університетська книга, 2017. 357 с.
6. Майнцер К. Сложность и самоорганизация. Возникновение новой науки и культуры на рубеже веков. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Man.htm>.
7. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. Москва: Институт компьютерных исследований, 2002. 656 с.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. Москва: Прогресс, 1994. 259 с.
9. Свирский Я. И. «Сложностное» мышление в контексте философских стратегий Ж. Делеза и Ф. Гваттари. *Вестник российского университета дружбы народов. Серия философия*. 2012. № 1. С. 37–47.
10. Талбот Майкл. Голографическая Вселенная. Москва: Издательский дом «София», 2004. 368 с.
11. Тоффлер Э. Третья волна. Москва: АСТ, 2009. 795 с.
12. Тыликовская Анна. Работа, за которую не платят. URL: <http://inosmi.ru/world/20150208/226121018.html>
13. Уемов А. И. Свойства, системы, сложность. *Вопросы философии*. 2003. № 6. С. 96–110.
14. Уемов А., Сараева И., Цофнас А. Общая теория систем для гуманитариев. Варшава: Universitas Rediviva, 2001. 276 с.
15. Киященко Л. П., Моисеев В. И. Хартия трансдисциплинарности. *Философия трансдисциплинарности*. Москва: ИФРАН, 2009. 205 с.
16. Хау Дж. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. Москва: Альпина Паблишер, 2012. 288 с.
17. Цофнас А. Ю. Комплементарность мировоззрения и миропонимания. *Философская и социологическая мысль*. 1995. № 1/2. С. 5–22.

Поступила в редакцию 20.11.2018

Рецензент д-р филос. наук, проф. В. Б. Ханжи,
дата рецензии 26.11.2018

УДК 37.01:15,101.1+32+38

О. П. Пунченко¹, д-р филос. наук, проф.,
И. И. Дыдышко², канд. филос. наук

«НОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ» В АРХИТЕКТОНИКЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

¹ Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова, Одесса, Украина,

² Одесский колледж транспортных технологий, Одесса, Украина

УДК 37.01:15,101.1+32+38

О. П. Пунченко¹, И. И. Дыдышко²

«НОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ» В АРХИТЕКТОНИКЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

¹ Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова, Одесса, Украина,

² Одесский колледж транспортных технологий, Одесса, Украина

В статье, с позиций единства требований Пекинского философского конгресса и материалов «Римского Клуба» (2018), обосновывается необходимость коренного преобразования духовного мира человека, характеризующегося сегодня как антропологический кризис. Объяснена сущность духовности, «новое Просвещение» анализируется как детерминирующая составляющая преодоления этого кризиса. Проанализирована закономерность перехода к «новому Просвещению», его уникальность,

как атрибутивный параметр новой системы. Выделено и раскрыто содержание основных требований к «новому Просвещению»: основываться на связанности с предшествующими парадигмами образования; актуализировать ценностный подход к его содержанию как квинтэссенции человеческой мудрости; фокусироваться на устойчивости знаний; культивировать интегральное мышление.

Ключевые слова: образование, парадигма, «новое Просвещение», закономерность, уникальность, собранность, ценности, устойчивость, интегральное мышление.

UDC 37.01:15,101.1+32+38

O. P. Punchenko¹, I. I. Dydyshko²

**“NEW ENLIGHTENMENT” IN THE ARCHITECTONICS OF
THE TRANSFORMATION PROCESSES OF SOCIAL DEVELOPMENT**

¹ O. S. Popov Odessa National Academy of Telecommunications, Odessa, Ukraine,

² Odessa College of Transport Technologies, Odessa, Ukraine

The article, from the standpoint of the unity of the requirements of the Beijing Philosophical Congress and the materials of the “Rome Club” (2018), substantiates the need for a radical transformation of the spiritual world of human, which today is characterized as an anthropological crisis. The essence of spirituality is explained, the “new Enlightenment” is analyzed as the determining component of overcoming this crisis. In the article analyzed the pattern of transition to the “new Enlightenment”, its uniqueness as an attributive parameter of the new system. The content of the basic requirements for the “new Enlightenment” has been highlighted and disclosed, based on its connection with the previous paradigms of education; actualize the value approach to its content as the quintessence of human wisdom; focus on the sustainability of knowledge; cultivate integral thinking.

Key words: education, paradigm, “new Enlightenment”, regularity, uniqueness, self-discipline, values, sustainability, integrated thinking.

Ушедший в анналы бытия философской мысли 2018 г. ознаменовался в ее развитии двумя важнейшими событиями мирового значения: Всемирным философским конгрессом «Учиться быть человеком» (Пекин, 13–20 августа) и юбилейным докладом Римского клуба «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты». В этих документах выдвинут ряд проблем по реорганизации смысло-соразмерного содержания современного типа цивилизационного устройства, без решения которых немислимо прогрессивное развитие всех сфер жизнедеятельности общества.

Эти оба уникальных документа объединяет идея формирования человека нового цивилизационного устройства. В них прогнозируется его бытие и социальная сущность, репрезентируются цели и задачи, а также изломы в его духовно-нравственном перерождении.

Однако если проанализировать обращение философской мысли к исследованию природы, предназначения и социальной сущности человека, то можно отметить, что эта проблема не нова. Она одна из тех «вечных» проблем, которые пронизывают интеллектуальный горизонт этого знания, скважностью более 27 веков. Ни одна из эпохальных стадий развития философии не игнорировала исследование многомерной природы и сущности человека, его качеств и свойств. И видно, что философия, как никакая иная наука, несла и несет ответственность за объективный анализ его сущности, целостности и уникальности. Она призвана минимизировать на всем мировоззренческом поле массив фундаментальных идей антропологии, биологии, психологии, социальных наук, внося в них элемент упорядоченности.

И в начале XXI в. философия вновь обращается в этой «вечной» проблеме, но опираясь на идею коренной ломки и преобразования его духовного мира. В материалах Пекинского философского конгресса уделено большое внимание концептуальной модели «учиться быть человеком» в условиях глобализирующего мира, а в докладе Римского клуба через переход к «новому Просвещению» четко репрезентируется инструментальная модель реализации сформулированной философским конгрессом проблемы.

Какими же факторами обусловлена необходимость коренного преобразования духовного мира человека и социума, чем вызвана необходимость перехода к новой планетарной гармоничной цивилизации, когда глобализационные процессы в мире не вошли еще в стадию апогея? Обращение к этим проблемам вызвано имплицитно присущим философии стремлением раскрыть сущность познаваемых явлений и процессов. В изучении человека именно такой подход и свойственен философии. Это во-первых. Во-вторых, стремлением совместить теоретическое и эмпирическое о человеке, гармонизировать знание о его сущности и знание о ее проявлениях в различных ситуациях бытия индивида. В-третьих, сегодня бурное развитие конвергентных технологий, компьютеризации, информатизации, космической и военной техники и других направлений технико-технологического прогресса с еще большей силой отодвигают их творца — человека — в «тень». А ведь все прекрасно понимают, что эти достижения не что иное, как «тень» человеческого мышления. Они не возникли как «Афродита из морской пены», а есть результат деятельности человеческого интеллекта. «Человек, —

отмечает В. С. Степин, — это не просто клеточка в целостном организме общества и тем более не винтик в динамической системе общественных связей. Он активное деятельное существо, и только благодаря его активности воспроизводится и изменяется общество как целостный организм. Основными формами человеческой активности выступают деятельность, поведение и общение» [5, с. 102]. Они выступают как наиболее важные атрибутивные свойства человека, к этим свойствам необходимо также отнести потребность к познанию и свободе.

Атрибутивные свойства личности формируются и развиваются во взаимодействии со средой и ее альтернативными свойствами, такими как: трудолюбие, мужественность, принципиальность, уважение к другим, милосердие, склонность к добру и злу, великодушие, правдивость, жестокость, ненависть, зависть и др. «В каждом отдельном человеке, — отмечает Б. С. Трибулев, — есть какая-то своя, уникальная комбинация некоторых альтернативных свойств. Жизненные условия, неблагоприятные для удовлетворения атрибутивных потребностей, как правило, способствуют формированию многих отрицательных альтернативных свойств» [8, с. 19].

Альтернативные свойства более связаны с духовным началом в человеке, выражающем ценностно-смысловое содержание его внутреннего субъективного мира. Этот мир формируется тогда, когда сознание, человеческая мысль становятся объектом познания, когда, согласно принципу интроспекции Р. Декарта, человек обращает и направляет свое познание на процесс собственного мышления, думает над тем, что и как он думает — рождается культура, рождается его мировоззрение, еще не системное, не целостное, не структурированное, не концептуальное. Рационально просчитать процесс зарождения мировоззрения практически невозможно, но его зарождение, как и культуры в целом, базировалось на принципе экстернализации. В этой связи Д. Франкл отмечает, что «фундаментальной характеристикой человека служило то, что он экстернализирует свои мыслительные процессы, воспроизводя их во вне в виде материальных символов и культурных идей. Этот процесс экстернализации психологической и мыслительной деятельности человека фундаментален для всех культур... Человека характеризует то, что он является творцом культуры и без нее не может существовать ни один человеческий индивид» [10, с. 47].

Пронизывая всю историю человеческого развития, культура отражает движение его мысли, вначале исходя из реальных потребностей бытия, а позже — из стремлений прогнозирования его в

связи с постоянным ростом потребностей. В этом процессе, по мнению Д. Франкла, основой его деятельности выступает духовность. Сегодня она характеризуется как особая ценность культуры, имеющая многомерную природу. Ее измерения запечатлены на всех явлениях культуры — всем том, что создано человеком как в сфере материального, так и в сфере духовного производства. Духовность включает человека в различные социальные процессы, определяя тем самым его человекомерность, выявляет созидательные смыслы социальной динамики. «Духовность — это социально-философская категория, характеризующая внутренний мир индивида и социума, а также внутреннюю совокупность их общественных связей, ...это смыслообразующий стержень, характеризующий способ существования ценностей, норм, целей и смыслов, который выражает в человеке его «самость», глубинный нравственный мир и реализует себя через поступки личности... В ней обнаруживается множество пересекающихся семиотических кодов, сопряжение которых и создает духовную целостность» [2, с. 23]. Содержание духовности объединяет мысль, знание и чувство, а сама духовность определяет меру качества человеческого бытия. Духовность — это интегративное качество, которое характеризует выход человека за рамки узко эмпирического бытия, преодоление в своей «самости» негативных альтернативных качеств.

Однако решать в современных условиях проблему, указанную последней, сложно. Духовную культуру конца XX — начала XXI в. часто характеризуют как культуру, пребывающую в кризисе, как отстающую от потребностей современного этапа цивилизационного развития общества, как не способную быстро и эффективно решать задачи его развития. Источник этого кризиса усматривают в развитии техногенной цивилизации, которая превратила проблему человека в одну из глобальных проблем современности — антропологическую. «Антропологический кризис — это предельно обостренное восприятие кризиса современного человека. Его можно трактовать многомерно: как проблематичность бытия современного человека, непредсказуемость и негарантированность его судьбы, и как угрозу выживаемости человека, подрыв оснований его бытия» [9, с. 145].

Осмысление преодоления этого кризиса привело современную философскую мысль к идее о необходимости коренной ломки духовного мира человека, формированию не просто духовно-нравственного мировоззрения, как общего, но и философско-культурологического, как особенного. «Философско-культурологическое мировоззрение — это исторически изменяющаяся

система духовно-практического освоения мира, которая конституирует смыслообразующие формы духовного бытия человека и социума, определяя сферу каждой формы в данной иерархии, связывает воедино материальные и духовные интенции человека и социума, раскрывает содержание взаимосвязи «человек — мир» [3, с. 396].

Новое мировоззрение формируется, по замыслу руководителей Римского клуба, системой «нового Просвещения». Результаты отмеченных новинок в образовании, в мировоззрении, в реализации концепции «учиться быть человеком», должны способствовать формированию единой планетарной гармоничной цивилизации. Но здесь встают вопросы: а раскрыли ли мы все богатое содержание информационной цивилизации, это во-первых; а во-вторых, создают ли современные глобализационные процессы конструктивные условия для формирования новой цивилизации?

Что касается идеи перехода к новому цивилизационному устройству, то она носит двойственный характер. С одной стороны, современная информационная цивилизация в своем фрактальном отражении, как объекте, обладающем свойствами самоподобия, масштабной инвариантности, способна неограниченно воспроизводиться в измененном варианте. Но процесс становления нового инварианта современной цивилизации, который репрезентирован Римским клубом как единая планетарная гармоничная цивилизация, с позиций синергетического анализа должен определяться «бифуркационно-фазовыми» переходами в направлениях к инвариантным «аттракторам», когерентно коррелирующихся с информационными потоками. Реально очертить временной интервал перехода человечества к новому типу цивилизационного устройства невозможно.

Трудности решения этой идеи Римского клуба также связаны с глобализационными процессами, протекающими в современном мире, которые содержат больше негатива, чем позитива. В содержании глобализации ярко выражен процесс столкновения интересов сильных государств мира сего. Сегодня идет противоречивый, конфликтно-генный процесс формирования глобального мира, обостряющего все без исключения процессы не только человеческого бытия — социосферы, но и сущность триосферы в целом. «Глобальный мир, — отмечает А. Н. Чумаков, — совокупность естественных, природных и общественных систем, образующих триосферу — единое целое, состоящее из гео-, био- и социосферы планеты Земля» [11, с. 14].

Сегодня в архитектонике глобализирующего мира можно четко выделить его мегатренды,

маркеры, макросдвиги, которые определяют противоборство и угрозы его, связанные с социокультурными тектоническими разломами глобального человечества.

С другой стороны, можно отметить, что современная информационная цивилизация еще не раскрыла всех своих потенциальных возможностей. Мы не можем эксплицитно выразить заложенный в ней потенциал имплицитно. «Мы не имеем никакого понятия о возможной величине ее ноосферной мощности... В этом отношении самым неожиданным может быть то, что больше всего ожидается» [13, с. 401]. Сегодня трудно спрогнозировать весь спектр ожиданий общества от информационного типа цивилизационного устройства, но можно утверждать, что этот спектр по своему содержанию будет противоречив, он предстанет как единство позитивного и негативного в развитии всех сфер бытия человечества.

Новая цивилизация не может прогрессивно развиваться, не опираясь на образование. Образование, как смысло-соразмерный духовный феномен, характеризующий способ существования ценностей, норм, целей и смыслов, предстает как ипзокрена наших знаний, источник, утоляющий жажду в них. Еще Ф. Нансен отмечал, что «как только в нас угасает жажда знаний, мы перестаем быть людьми».

Особым связующим звеном в архитектонике трансформационных процессов современного общественного развития выступает идея перехода к «новому Просвещению». Термин «Просвещение» впервые был употреблен в 1662 г. Джоном Мильтоном в работе «Потерянный рай». Сформулированные Ф. Бэконом, Р. Декартом, Т. Гоббсом и Д. Локком идеи естественного порядка и прогрессивного развития общества, были дополнены в XVIII в. Вольтером, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо. Размышляя о справедливом устройстве общества, они связывали социальный прогресс с ростом образованности и воспитанности граждан и были убеждены, что изменение нравов, наук, искусств обусловлено развитием культуры, а она определяется развитием разума. Просвещение этого периода решало задачу гармонизации природного и социального в процессе формирования человека через физическое, трудовое, нравственное и интеллектуальное воспитание. Однако это были замечательные теоретические конструкты, инструментально решать которые было крайне сложно.

«Новое Просвещение», как и Просвещение XVIII в., не выступает в качестве парадигмы образования, оно еще не принято научным сообществом в этом статусе. Его можно репрезентировать как императив будущего образования. Даже Просвещение XVII–XVIII вв. оформи-

ло свое содержание в виде классической образовательной парадигмы на базе универсальной образованности, как идеала этой эпохи, который не базировался на общественном интеллекте, инновационности, информационности, что составляет сущность современной ноосферно-информационной парадигмы информационной цивилизации.

Однако в «новом Просвещении», как императиве образования XXI в., аккумулируется большой позитив решения задач, сформулированных в вышеуказанных документах, заложен фундамент формирования духовно-нравственного мировоззрения, основ реализации глобальной концепции «учиться быть человеком». Эти задачи решаются через эмансипацию разума, слом укоренившегося в сознании человека и общества стереотипного линейного мышления, через освобождение мышления от оков, связывающих наш дух. Но это процесс сложный, не сиюминутный, освобождение требует времени. Тем не менее, определяя пути решения этих задач, необходимо начинать с воображения как одного из важнейших междисциплинарных понятий, выполняющего в науке и образовании многие эвристические, когнитивные, изобретательные, коммуникативные, виртуализационные и другие функции. Для анализа «нового Просвещения» воображение ценно тем, что в нем заложена сила абстракций. «Сила абстракций — это также и проницательность, — отмечает С. А. Шавель, — изобретательность комбинационной способности воображения, оперирующего всеми доступными интеллектуальными представлениями о социальной реальности — как преемственными, так и вновь создаваемыми» [12, с. 29].

Становление «нового Просвещения» закономерно и уникально. Закономерный, внутренне упорядоченный характер развития образования — это его базовое положение. Закономерность в развитии образования предполагает регулярную повторяемость в содержании его парадигм методологических и, особенно, социальных установок. Общее при анализе парадигм образования прошлого достаточно легко обнаруживается, но необходимо учитывать и разработанное Э. Тоффлером утверждение, что «мы не можем втиснуть эмбриональный завтрашний мир в принятые вчера категории. Ортодоксальные социальные установки или настроения тоже не подходят этому миру» [6, с. 22]. Применительно к «новому Просвещению» это означает, что мы не можем втиснуть его образовательную парадигму во вчерашние задачи, во вчерашнюю методологию и т. д. Индустриальному обществу было необходимо народное образование, когда образовательный процесс осуществлялся в фабрично-завод-

ских стенах. «Народное образование было тем искусным механизмом, который индустриализация создала для подготовки необходимого для своих нужд взрослого контингента» [7, с. 433]. Это образование реализовало себя в СССР через РУ, ТУ, ФЗО, профтехучилища. Нужно ли такое образование концепции «нового Просвещения»? Несомненно, нет. Но для индустриального общества оно было закономерным.

Концепция образования «нового Просвещения» уникальна, поскольку: во-первых, она есть форма связи предыдущей и последующей парадигм; есть диалектический процесс отрицания старого через становление нового качества; во-вторых, развитие как процесс становления новой образовательной парадигмы необходимо порождает в этом процессе уникальное, неповторимое, выходящее в этой своей уникальности за рамки специфических закономерностей предшествующей парадигмы образования.

Анализ уникального в образовательной реальности показывает, что весь спектр уникальных явлений, порождаемых развитием образования, достаточно широк, но не все они равноценны, то есть уникальное уникальному рознь. Всякое уникальное, отдельное, единичное содержит в себе как нечто всеобщее, так и особую иерархию специфических черт, а также неповторимые, неопределенные признаки. «Новое Просвещение» уникально, поскольку по своему смыслу неопределенно, его не с чем сравнить, отождествить, оно содержит в себе абсолютный элемент различия. Оно есть объективный, сущностный неповторимый феномен, содержащий в себе абсолютный момент различия, оно закономерно, относительно, неопределенно, единично, из которого рождается новое качество, репрезентирует себя как форма связи предыдущей и последующей парадигм образования, детерминировано предшествующим развитием, но полностью не укладывается в схему трансформации одной парадигмы в другую.

Уникальность воспринимаемого феномена в «новом Просвещении» должно определяться субъектом — педагогом через призму его критического осмысления новизны, ценностного контекста и значимости для данного уровня развития общества. Уникальность можно репрезентировать и как универсальное свойство, выражающее себя в единственности, неповторимости своей специфической сущности, обусловленной архитектурой и связью элементов и свойств. Оно выступает как сущностный элемент человеческого бытия, который исключителен, чрезвычайно важен, обладает оригинальностью своих новых связей с наукой, невозпроизводимостью методологического воздействия на индивидуальное и

общественное сознание в ходе трансляции объективно разработанных наукой знаний и опыта, а также обладает относительным характером и обязательно социальной новизной. Как атрибутивный параметр системы образования, уникальное предстает как ее точечное свойство.

Точечных свойств в архитектонике «нового Просвещения» достаточно много. В юбилейном докладе Римского клуба в качестве определяющих выделены следующие. Во-первых, «новое Просвещение» должно базироваться на «связанности», то есть отношениях, которые выражают суть обучения и способствуют укреплению связей между субъектами образовательного процесса, учитывая позитив предыдущих парадигм образования, качественно отличаясь от них широким использованием новейших информационных образовательных технологий.

Во-вторых, образование «нового Просвещения» должно носить ценностный характер, корениться в универсальных ценностях как квинт-эссенции человеческой мудрости, в которой есть чему учиться как быть человеком.

В-третьих, образование должно фокусироваться на устойчивости развития, большая часть знаний сегодня касается экологических проблем, но не стала частью общего образовательного багажа специалиста. Устойчивое развитие касается проблем взаимосвязанности всех систем биосоциального бытия человечества, поэтому обучение будущих поколений должно базироваться на новых дисциплинах и пересмотре содержания старых.

В-четвертых, будущая система «нового Просвещения» должна совершить переход от широкого использования и в науке, и в образовании аналитического мышления к интегральному, культивируя его методологическую ценность как инструмента, обеспечивающего органическую интегральность через способность нашего мышления воспринимать, организовывать, согласовывать и объединять отдельные фрагменты для достижения истинного понимания целостности исследуемой реальности.

Проанализируем эти требования, выдвинутые к «новому Просвещению». Прежде всего «связанность». Это не только взаимодействие субъектов (обучающего и обучаемого) в образовательном процессе, оно отражает движение этого взаимодействия во всех образовательных парадигмах, связывает воедино позитив прошлых и настоящей парадигм. В процессе субъектно-объектных отношений в образовательной реальности связанность обучения должна освобождать энергию обучаемых через активное задействование способностей каждого из них. Это требование заложено в новой китайской модели

образования и должно обогащаться не только знанием профильных дисциплин, но и связанностью тех новаций, которые формируют новое видение прогрессивного будущего развития общества. «Изучайте японский менеджмент, учитесь дерзости у корейцев, скрупулезности у немцев, маркетинговым стратегиям у американцев — это рациональная китайская особенность формировать целое из несовместимых на вид элементов» [1, с. 51]. Такая связанность отражает необходимость и способность соединять отдельные достижения в различных областях знания для достижения истинного понимания задач экономической эффективности и в целом реализовывать знания для успешного развития страны. Глобальная задача связанности заключается в конструктивном увязывании знаний, получаемых в образовании, с целевыми установками и задачами общественного развития.

Отсюда вытекает и ценностный характер образования, оно должно корениться в универсальных ценностях не только материального, но и духовного происхождения. Ценности, как квинт-эссенция человеческой мудрости, накапливаемая веками, должны не просто сохраняться, а постоянно приумножаться. Знания — это величайшая ценность человечества и не зря Конфуций утверждал, что «знание — сокровище, которое повсюду следует за тем, кто им обладает». Руководствуясь мудростью Конфуция, Китай сегодня формирует и реализовывает концепцию общества обучения, поскольку «в этой стране обучение — фундаментальный элемент повседневной жизни, ведь все меняется так быстро и нужно осваивать новое» [1, с. 182]. Образование — это ключевое условие построения инновационного общества.

О важности образования, его социальной значимости для развития общества гласит информация Столленбергского университета, расположенного в ЮАР, текст которой следовало бы разместить не только во всех наших учебных заведениях, но, что еще более важно, во всех структурах, госучреждениях и кабинетах их руководителей, ответственных за образование: «Уничтожение любой нации не требует атомных бомб или использования ракет дальнего радиуса действия. Требуется только снижение качества образования и разрешение обмана учащимися на экзаменах. Пациенты умирают от таких врачей. Здания разрушаются от рук таких инженеров. Деньги теряются от рук таких экономистов и бухгалтеров. Справедливость утрачивается в руках таких юристов и судей. Крах образования — это крах нации» [14].

Каждое такое утверждение для украинской системы образования — выстрел в ее сердце.

В связи с низким набором студентов в технические вузы, ряд заведующих кафедрами, исходя из указаний ректоров, ставят положительные оценки студентам, не выполнившим учебный план. В качестве примера можно привести Одесскую национальную академию связи им. А. С. Попова (ректор Воробийченко П. П.). О каком ценностном характере образования в таких условиях подготовки специалистов может идти речь? Да ни о каком. Поэтому сегодня выпускники школ едут учиться в страны Евросоюза — Польшу, Чехию, Словакию, Германию, Венгрию, Францию и другие, зная, что за почти такие же свои деньги можно получить качественное образование, а не просто диплом о нем, который неконкурентоспособен на европейском рынке специалистов.

Ценностный характер образования ставит не просто задачу сформировать специалиста технократа — это сегодня для образования ряда стран не составляет труда, а вот как заложить в его сознание гуманистические ценности человечества, чтобы они стали кредом его жизни, носили устойчивый характер, основываясь на требованиях общества; чтобы знания специалиста фокусировались не только на экологической проблеме как детерминирующей глобальной проблеме человечества, а и на других, что также будет характеризовать связанность его мышления. Как научить специалиста быть человеком (требования Пекинского философского конгресса), — задача и крайне важная, и трудно реализуемая, особенно сегодня в Украине, в условиях резкого сокращения учебных часов на гуманитарный цикл. А будущему специалисту необходимо знать не только профессиональные дисциплины, ему необходима и большая интеллектуальная подпитка. Эта подпитка в содержании «нового Просвещения» есть альфа и омега формирования в специалисте гуманистического нравственного мира, который отражается в его поступках. Образование китайской модели учитывает это, так как «творческий потенциал является ключевым условием дальнейшего развития общества. Художественная и интеллектуальная подпитка должна приветствоваться как источник вдохновения и свободы для новой культуры» [1, с. 15] общества. Рост художественной и интеллектуальной подпитки отражает в этой стране движение к духовной цивилизации, а Китай строит две цивилизации — еще и материальную.

Сегодня такая подпитка осуществляется через широкое знакомство с основными видами искусства — музыкой, изобразительным искусством, литературой, архитектурными ценностями, посещение музеев, театров, художественно-интеллектуальных мероприятий, расширяющих духовно-нравственное мировоззрение будущего специа-

листа. Такая подпитка формирует у обучаемого чувства ответственности, патриотизма, преданности национальной идее, толерантности, новые ценностные установки и ориентации.

«Новое Просвещение» требует формирования и нового интегрального мышления. Аналитическое мышление, рассматривая реальность через призму категорий механицизма, классической и неклассической рациональности, не способно охватить ее органическую целостность. Оно базируется на исследовании элементарных начал и принципов, в силу которых рассуждения принимают доказательно-теоретический характер истинности относительно сущности исследуемой проблемы. Однако сегодня необходим переход на рельсы интегрального мышления, которое требует соединять, согласовывать и организовывать в единое целое фрагменты исследуемых объектов и процессов природной и социальной реальности. Такое мышление характеризуется стабильностью, надежностью, вариативностью, оно выражает свою специфическую сущность, обусловленную архитектурикой и связью элементов и свойств исследуемого объекта, должно быть исключительным, оригинальным своими связями с наукой и образованием, а также характеризоваться невоспроизводимостью методологического воздействия на индивидуальное и общественное сознание. Интегральное мышление, отражающее качественно новый уровень развития интеллекта обучаемого, очевидно всего проявляется в способности найти выход из нестандартных ситуаций, в умении адаптироваться к сложной среде, в глубине понимания информации.

«Новое Просвещение» фактически требует смены стилевой установки мышления. В отличие от стиля мышления, как система наиболее общих познавательных ориентаций, направляющих этот процесс в соответствии с конкретным способом репрезентации исследуемого объекта, стилевая установка, характеризующая интегральное мышление, должна быть стабильно развивающейся системой, способной эволюционировать под воздействием внутренних источников движения. Основными характеристиками стилевой установки выступают системность, модельность, дискретность, формализация, математизация, компьютеризация, интегративность и др. Каждая из этих характеристик, выражающая содержание стилевой установки, может быть отождествлена с конкретной тенденцией в развитии методологии исследуемого объекта.

Смена стиля мышления и стилевых установок — базовое требование «нового Просвещения».

Если сегодня «новое Просвещение» выступает в качестве императива образованию XXI в.,

то оно должно опираться на конкретную парадигму, которая может быть признана научным сообществом и связана с новыми тенденциями развития образования. Такая парадигма должна базироваться на новом интеллектуальном потенциале личности и общества. Это во-первых.

Во-вторых, детерминирующей составляющей выступает ее инновационность. Инновация в образовании по своему содержанию и природе предстает как многомерный феномен, включающий множество смыслов. С одной стороны, она сохраняет здесь свои детерминирующие признаки — нововведение, внедрение, высокую эффективность, результат интеллектуального решения. А с другой — это процесс коренной ломки старого, отжившего в знаниях, технологиях, артефактах, методологии. Это процесс твердого использования нового знания в образовании, имеющего высокую социальную ценность.

В-третьих, она должна опираться на информационность, связанную с экспонциальным ростом информации и внедрением ее в информационный оборот, а также с развитием и использованием новых информационных образовательных технологий и процессов информатизации обучаемых.

В-четвертых, в новой парадигме особое внимание должно уделяться гуманистическому измерению, поскольку образование и гуманизм — это единство концептуальных моделей отношения человека к человеку, обществу, наличествующему миру человеческих ценностей, с одной стороны, а с другой — инструментальных образовательных моделей по реализации предлагаемых концептуальных моделей.

Исходя из вышеотмеченных составляющих новой парадигмы образования, ее можно репрезентировать как ноосферно-информационную. «Ноосферно-информационная парадигма — это качественно новый уровень формирования инновационного типа мышления обучаемых, базирующийся на информационных ресурсах общества и способствующий на основе креативной методологии и достижений современной науки становлению нового уровня индивидуального и общественного интеллекта» [4, с. 313].

В этой парадигме выделены два фундаментальных смыслообразующих концепта, содержание которых не исследовалось в истории образования в их диалогическом взаимодействии. Такая парадигма образования может объединить членов научно-педагогического сообщества и может быть признана ими как обладающая социальной значимостью, соответствующая требованиям новых технологических и социальных преобразований, стать их локомотивом.

Таким образом, становление «нового Просвещения» закономерно и необходимо. Это вытекает из требований программы «учиться быть человеком», а также из задач формирования образования, отвечающего новому уровню цивилизационного развития человечества и основывающегося на процессах интеллектуализации, инновационности, информационности и гуманистичности, составляющих ядро новой парадигмы образования, будущего «нового Просвещения».

Ключові слова: освіта, парадигма, «нова Прогресу», закономірність, унікальність, зібраність, цінності, стійкість, інтегральне мислення.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нейсбит Дж. Китайские мегатренды. Москва: Астрель, 2012. 315 [5] с.
2. Пунченко О. П. Постигание смысла духовности и ступеней ее развития. *Тенденции духовно-нравственного развития современного общества*. Минск: Право и экономика, 2013. 555 с.
3. Пунченко О. П., Пунченко Н. О. Образование в системе философских ценностей. Одесса: Печатный дом, Друк Південь, 2010. 506 с.
4. Пунченко О. П., Пунченко Н. О. Археология ноосферного образования. Одесса: Печатный дом, Друк Південь, 2017. 452 с.
5. Степин В. С. История и философия науки. Москва: Академический проект; Трикста, 2012. 423 с.
6. Тоффлер Э. Третья волна. Москва: АСТ, 2004. 781 с.
7. Тоффлер Э. Шок будущего. Москва: АСТ, 2004. 557 с.
8. Трибулев Б. С. Природа и сущность человека. Минск: ТЕХНОПРИНТ, 1999. 256 с.
9. Философия и методология науки / под ред. Ч. С. Кирвеля. Минск: Вышэйшая школа, 2012. 639 с.
10. Франкл Дж. Археология ума. Москва: Астрель-АСТ, 2007. 254 [2] с.
11. Чумаков А. Н. Глобальный мир. Столкновение интересов. Москва: Проспект, 2018. 512 с.
12. Шавель С. А. Воображение как ядро творчества. *Современный социум в мире глобальных перемен*. Минск: Беларуская навука, 2016. С. 24–29.
13. Де Шарден П. Т. Феномен человека. Москва: АСТ, 2002. 553 с.
14. <http://rfo1971.ru/wp-content/uploads/2018/11/o-vazhnosti-obrazovaniya.png>

Поступила в редакцию 20.11.2018

Рецензент д-р филос. наук, проф. В. Б. Ханжи,
дата рецензии 26.11.2018

УДК 130.2+130.122+17.026.4+141.32+17.021.2+159.923.2

И. И. Рейдерман¹, магистр филологии,
А. С. Зиневич², магистр психологии

ЦЕЛОСТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

¹ Одесский художественный колледж им. М. Б. Грекова, Одесса, Украина,

² Институт философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины, Киев, Украина

УДК 130.2+130.122+17.026.4+141.32+17.021.2+159.923.2

И. И. Рейдерман¹, А. С. Зиневич²

ЦЕЛОСТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

¹ Одесский художественный колледж им. М. Б. Грекова, Одесса, Украина,

² Институт философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины, Киев, Украина

В статье описывается троичная модель личности человека, понимаемая авторами как целостное единство эго-сознания, экзистенции и духа («духовного Я»). Эмпирический индивид понимается как биосоциальное единство, представленное эго-сознанием. Экзистенция — как жизнь с ее витальными энергиями. Дается определение духовного Я как способности к самодетерминации, творению себя согласно идеалу, расположенному в будущем.

Ключевые слова: целостность, личность, духовное Я, эмпирическое Я, универсальный собеседник, дух культуры.

UDC 130.2+130.122+17.026.4+141.32+17.021.2+159.923.2

I. I. Reyderman¹, A. S. Zinevich²

INTEGRITY AS A PHILOSOPHIC AND PSYCHOLOGIC PROBLEM

¹ Grekov Arts College, Odessa, Ukraine,

² G. S. Skovoroda Institute of Philosophy NAS Ukraine, Kyiv, Ukraine

The article describes the ternary model of a human personality, understood by the authors as a holistic unity of ego-consciousness, existence and spirit (spiritual self). The empirical individual is understood as a biosocial unity, represented by the ego-consciousness. Existence is understood as a life with its vital energies. The definition of the spiritual self as the ability to self-determination, to the creation of oneself according to the ideal, located in the future, is given.

Key words: integrity, personality, spiritual self, empirical self, universal interlocutor, cultural spirit.

Но разбирали они по частям, а целое просмотрели, и даже удивления достойно, до какой слепоты. Тогда как целое стоит пред их же глазами незыблемо, как и прежде... [3, с. 225].

Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы».

«Слепота» наша по отношению к целому не сегодня возникла. Она стоит едва ли не у истоков философского мышления. Трудная проблема части и целого. Обратимся хоть к Марку Аврелию: «Прежде всего, следует установить, что я являюсь частью Целого. ...если я буду помнить об этом, то, поскольку я буду сознавать себя частью, я не буду недоволен ничем, ниспосылаемым Целым, ибо то, что полезно Целому, не может быть вредно части» [1].

Но дано ли нам Целое? Если бы оно было дано, — как бы оно уместилось в горизонте нашего взгляда? В поле нашего зрения всегда части, только части, которые, впрочем, в свой черед могут быть разложены на более мелкие части. Пытаясь сложить из этого бесчисленного множества частей целое, мы, как заклинание, твердим о системно-структурном многоуровневом подходе, междисциплинарности и т. п. И неизменно

терпим поражение. Потому что «целое больше суммы своих частей». В том-то и дело, что «больше», и в этом какая-то неразгаданная тайна. Тайна возникновения целостности как нового качественного уровня.

Н. А. Логинова в конце обзорной статьи «Целостный человек как проблема в российской психологии» утверждает: «Именно структурные модели позволяют более строгим научным языком обсуждать проблему целостного человека как субъекта сознания и носителя психики. Целое, индивидуальность — сверхзадача, стратегическая цель комплексных исследований в психологии. Реконструкция целого требует специальных методов синтеза» [6, с. 67].

П. С. Гуревич в монографии, посвященной проблеме целостности человека в философской антропологии, охлаждает радужные надежды сторонников междисциплинарного, комплексного изучения человека. «Целое оказывается качественно новым образованием... Поэтому, ставя

тему целостности человека, нам нередко приходится уходить от существа проблемы. В ряде исследований она подменяется попыткой комплексного изучения человека. ...Соединить механически мифологию, философское предположение и конкретное научное открытие — задача почти невыполнимая» [2, с. 169].

Человек многогранен, человек многолик, — эти слова звучат почти как заклинание, парализуя наше стремление обнаружить нечто единое, универсальное для всех людей, тем паче некую раз и навсегда заданную «сущность». В рамках характерных для эпохи постмодерна существующих мировоззренческих и научных парадигм — проблема целостности кажется неразрешимой. П. С. Гуревич говорит: «Человек, по определению, не может быть целостным. Целостность является для него неким идеалом, общим устремлением...» [2, с. 170]. Однако это утверждение можно истолковать менее пессимистически: целостность человека возможна в стремлении к целостности. Именно в этом стремлении, — если оно для него почему-то важно, даже более важно, чем социальный успех и материальные блага, — человек и «собирает себя». Если это предположение верно, то следует понять, где, в каком «пространстве» находится «точка сборки» и что именно мотивирует человека к этой нелегкой духовной работе.

С нашей точки зрения, «точка сборки» находится на том уровне, который принято называть духовным. Но такой предварительный ответ мало что проясняет. Ибо ни о чем не говорят так много, как о духовности, констатируя ее дефицит в условиях современной техноцивилизации. Здесь не место вступать в дискуссию с множеством разноречивых представлений о духовности, следует лишь отметить, что, если в чем большинство авторов сходится, так в том, что духовность есть следование высшим ценностям. Но ценности могут существовать и всего лишь на уровне сознания, убеждений, мировоззрения, идеологии, в качестве абстрактного конструкта, отнюдь не затрагивая глубин человеческой экзистенции, не превращаясь в «сокрытый двигатель» человека. Сознание, отчужденное от экзистенции, ум, который с сердцем не в ладу, — и в былые времена осознавались как главное препятствие целостности человеческой личности. Михаил Бахтин в своей ранней «Философии поступка» стремился преодолеть абстрактный теоретизм, поставив принцип ответственности выше отвлеченной рациональности, провозгласив принцип «не-алиби в бытии». Увы, опыт существования в тоталитарном социуме показал, что можно, исповедуя прекрасные ценности и идеалы, сохранять алиби в бытии, приучаясь к двоемыслию, двоедушию. Преодоление раздвоенности человека и сегодня оказывается самой что ни на есть насущной проблемой.

На наш взгляд, проблему духовности следует понимать в связи с бытием личности. Но в понимании того, что есть личность, тоже нет единства. Представляется, что всякий человек — индивид, но не всякий — личность. Бытие личности характеризует определенный уровень развития, и именно развития человека как существа духовного.

Уже в глубокой древности в архаических обществах проводили обряд инициации. Суть его заключалась не только в том, чтобы научить подростков преодолевать предельные трудности и угрозы выживанию. Главным было «вселение духа» в человека. Инициация, как ее описывает религиовед А. Г. Сафронов, в финальной стадии была добровольным принесением в жертву себя, как индивида. В итоге он, пережив символическую смерть, как бы рождался заново — в качестве того, в ком живет и действует дух предка-покровителя. Позднее возникли «практики, направленные на “вселение духа”, известные как в первобытных культурах, так и в более современных религиозных системах...» [10, с. 64]. При этом в психике человека происходили радикальные изменения: возникший в нем «дух» преображал его, придавал ему мужество и многие другие качества, которые прежде могли быть ему не присущи. А главное — отодвигали на периферию его собственные эгоистические интересы, делая его в кризисные моменты выразителем общих интересов племени. Разумеется, человек не становился при этом личностью в нашем современном понимании. Но и не был индивидуалистом, подобным массовому человеку современного социума. Племя, состоящее из индивидуалистов, скорее всего, не смогло бы выжить. И личность в христианстве связана со смертью «ветхого человека» и вторым рождением, «рождением от духа». И тут индивидуальное эго должно уйти на периферию, дав место в себе и возможность действовать духу. В личности христианина парадоксально сочетаются индивидуальное и универсальное начала, человеческое и божественное. По слову ап. Павла, «и уже не я живу, но живет во мне Христос». Конечно, именно эта жизнь духа, Бога внутри человека — есть нечто не слишком понятное даже для современного христианина, не говоря уже об атеистах. На что и жалуется американский православный священник: «В этом случае Бог является чем-то “наружным” в нашей жизни, Он не внутри, а всегда вовне, и наши отношения с Ним похожи на личные связи людей в современной культуре» [11].

В светской культуре Нового времени место Духа занимает разум. И мы приходим к психологии без души, к представлениям о духовности, которую редуцировали к сознанию, духовности — без Духа в человеке.

Духовность не следует автоматически отождествлять с уровнем развития сознания, со сфе-

рой убеждений и разделяемых ценностей. Духовность — нечто, возникающее в результате активности Духа как особого субъекта личностного жизнетворчества. Но признать, что в человеке, кроме сознания и экзистенции, есть еще одно действующее начало, Дух, — значит подвергнуть ревизии некоторые устоявшиеся представления.

Проблемы целостности личности — вовсе не абстрактная проблема. Если постоянно действующие внутренние интегративные силы ослабевают, то некое сложное целое может оказаться в состоянии полураспада и деградировать к прежним подсистемным уровням. По нашим представлениям, именно дух и является интегратором целостности в человеке. Произошедшая в Новое время подмена духовного разумным, целесообразным, рациональным привела к своего рода панрационализму. Надежды Канта на эффективность Разума и силу нравственного императива оказались завышенными. Известное его высказывание о звездном небе над нами и нравственном законе внутри нас есть ведь, в сущности, восхищением миропорядком, порядком Целого, с которым и должен соотноситься разум индивида. Разум, по мнению Канта, не нуждается в традиционном Боге, но ему нужна Идея Бога, регулятивная идея — как гарант разумного миропорядка, одновременно и человеческого и природно-космического. Образно говоря, человек должен быть нравственным именно глядя на звездное небо как образ миропорядка. Долг человека — поддерживать порядок, обретая целостность в соотношении с Целым. «Теология» Канта есть по существу телеология, «идея цели», другой, не механический способ детерминации: «Итак, органическое тело не есть только механизм, обладающий лишь движущей силой, оно обладает и формирующей силой, и притом такой, какую оно сообщает материи, не имеющей ее (организует ее)» [5, с. 399]. Эта формирующая сила носит какой-то принципиально иной характер, ее «нельзя объяснить одной лишь способностью движения (механизмом)» [5, с. 400]. Он называет эту силу «непостижимой» и говорит: «Быть может, к этому непостижимому свойству удастся ближе подойти, если назвать его аналогом жизни...» [5, с. 400]. Но тогда придется или наделить материю гилозоизмом, «или дать ей чужеродный, находящийся в общении с ней принцип (душу)» [5, с. 400]. (За прошедшие столетия изменилось разве что то, что разговор о таких формирующих силах, как душа или, тем более, дух, — в отличие от эмпирических причин, все-речь не воспринимается.)

Механицизм, с которым боролся Кант, победил, и Разум, фундаментом которого являлся божественный миропорядок, — довольно скоро выродился в рассудок. А на месте Целого, с которым нужно себя соотносить, оказался социум, государство. Но как-то не хочется отда-

вать человека целиком и без остатка социологии и бихевиоризму. Психолог В. А. Петровский, предлагая свое «единомножие четырех ипостасей: имманентного Я, идеального Я, трансцендентального Я и трансфинитного Я», задается вопросом: «Соответствует ли философской идее “свободной причинности” нечто реальное в психологии? Оправдан ли пессимизм И. Канта, считавшего возможность свободной причинности недоказуемой (однако принимавшего эту возможность как необходимое условие разрешения противоречий чистого разума)? Верно ли, что природа “свободной причинности” психологически непознаваема? Словом, оправдано ли привнесение этой идеи из философии в психологию, и в чем смысл подобного действия (причем не только для психологии, но и для философии)?» [9, с. 269].

Психология, которая стремится быть научной, основанная на обобщении эмпирических данных средствами статистики — даже и не ставит перед собой философских вопросов. А философская психология — боится быть ненаучной, утратив доказательную базу. Между тем, время не терпит, поскольку кризис, возникший в силу тотальной рационализации и технизации, охватывает и самого человека, и все сферы его бытия.

Функция управления активностью человека переходит теперь едва ли не целиком к рассудочному сознанию, минуя даже нравственную сферу, и выражаясь в постоянном рациональном самоконтроле. Согласимся, что такой самоконтроль чрезвычайно утомителен, иногда он становится невыносимым, и тогда в экзистенциальном бунте на волю вырывается все то, что не умещалось в прокрустово ложе рассудочных форм, что подавлялось и приносилось в жертву квазиразумным социальным целям. То, что в человеке является живым и индивидуальным, уникальным и что было названо экзистенцией. Выплеск утраченной управление экзистенции может быть катастрофичным, разрушительным. Он выражает себя в психических болезнях, в экзистенциальных кризисах, в немотивированной агрессии, направленной на самих себя и на других, вплоть до терроризма.

Здесь уместно сказать о той модели человека, из которой исходят авторы. Она троична: эго-сознание, экзистенция, дух (духовное Я). Эмпирический индивид, телесно-психическое единство, редуцированное к социуму, представлен эго-сознанием. Массовый человек, так и оставшийся на уровне эмпирического индивида, часто никак не задействует потенциально существующие в нем другие уровни. Кстати сказать, тотальная редукция человека к социуму была опробована на практике в тоталитарных государствах. Крах тоталитарных экспериментов был связан с «сопротивлением материала»: как выяснилось, человек без остатка в социум не уме-

щается. Что-то «лишнее» прячется в глубину, а то и взмывает вверх, трансцендируя в запредельные для социума пространства.

Еще один уровень — экзистенция, которая противится «переводу» своего содержания на язык сознания, не поддается объективации. Экзистенция — это сама жизнь с ее витальными энергиями и противоречивыми интенциями, жизнь в ее динамике, процессуальности, становлении. В интимной своей глубине она и есть именно наша жизнь. Постичь и прожить ее как свою — бытийная задача. Но сама по себе, без участия других уровней личности, она не может эту задачу осознать. Отдав себя во власть эго-сознания, она почти неизбежно испытывает отчуждение, ибо ее энергии и потребности «канализированы», подчинившись узким задачам социального выживания. Для того чтобы осуществить себя в своей полноте и подлинности, ей нужна помощь ориентирующего ее духа. Таким образом, мы можем постулировать неизбежную конфронтацию двух «я» в человеке — эмпирического эго-сознания и духовного Я. Каждая из сторон стремится перетянуть экзистенцию на свою сторону. Особенно в этом заинтересован дух, ибо сам по себе, без экзистенции, он никакой силы не имеет. Тут мы вполне согласны с Максом Шелером, который счел необходимым даже выделить свою мысль курсивом: *«изначально у духа нет собственной энергии»* [12, с. 171]. В единении же с экзистенцией он превращается в экзистенциально-духовное Я.

Трудности ожидают нас при попытке определения того, что же такое дух. Очевидно, в первом приближении его следует понять как способность к самодетерминации. Человек творит себя, свою жизнь, свои отношения с людьми и миром зачастую вопреки тому, что из него «делают» обстоятельства, силы внешней необходимости. Напрашивается мысль, что именно на духовном уровне личности и возможна свобода как условие всякого творчества и как основа личностного бытия.

Именно в творчестве явственно присутствие идеальных факторов. Творя себя как произведение, которое, к тому же, принципиально незавершимо, я в то же время должен «держаться в уме» возможное целое этого произведения в его завершенности, свершенности, идеальном совершенстве. Глядя через своего рода «магический кристалл», сквозь который различаешь то, чего еще нет, что существует в потенции, что может и должно быть (но может и не сбыться). Иначе говоря, я духовно (не материально же!) переносюсь в будущее, и оттуда, из будущего, — гляжу на себя сегодняшнего. Впрочем, можно сказать и наоборот: я сегодняшней вижу себя в зеркале идеала, и тем самым уже не детерминирован жестко своим «здесь и сейчас», живу в интимной связи с возможным будущим. Понятно, что все это воз-

можно благодаря наличию в человеке воображения, качества не менее важного, чем способность к логическому мышлению. С легкой руки Сартра принято говорить о «проекте», но «проект», «проектирование» — все это отдает какой-то деловитой инженерией. Лучше говорить о замысле, — как бы о том «зерне», в котором потенциально уже содержится будущее растение, хотя и неизвестно, каким оно будет. Иначе говоря, об идеальном предвосхищении Целого. Дух и удерживает в себе вот этот предвосхищаемый образ целого в его совершенстве, и зовет нас к его осуществлению, и сам стремится к идеалу. Дух — он и есть дуновение, стремление, говоря более строго, направленность, интенция. Мало ли что может нафантазировать человек, самое что ни на есть прекрасное, но если нет духа, понуждающего, призывающего сделать хоть шаг и ориентирующего в пути, — человек так и останется сидеть на том же месте в своем романтическом прекраснодушии. Мы часто говорим об экзистенциальном выборе, а значит, и о решимости, мужестве, воле выбрать то, что полагаем истинным. Но ведь речь тут не о той воле, о которой говорят в учебниках по психологии, а о какой-то иной, «воле духа». Порой и робкий, нерешительный человек радикально преображается, когда в нем рождается дух, когда он одержим духовным стремлением к бесконечной цели. Сама же по себе экзистенция, если она не находится в «магнитном поле» духа, может бесконечно колебаться и пребывать в состоянии неопределенности и растерянности.

Что же такое дух? Было бы самонадеянно утверждать, что мы способны исчерпывающе ответить на этот вопрос. Но одно определение все же попытаемся дать: дух — это всегда дух Целого. В этом смысле говорили о духе нации, духе народа, духе общества... Можно говорить и о духе культуры. Культура существует и в виде материальных предметов, как сумма произведений культуры. Но закодированная на тех или иных материальных носителях она, в некотором роде, мертва. Живой ее делает распределечивание, декодирование, перевод содержания культуры в духовный план. Это не так просто, как кажется. Можно усвоить большое количество информации, стать образованным, даже прямотаки выдающимся эрудитом, не став при этом культурным. Ибо культурный человек — тот, кто воплощает в себе дух культуры. Именно такими и были русские интеллигенты девятнадцатого столетия. Дело не в количестве знаний и прочитанных книг. Книгу мало открыть — она должна открыться, чтобы ты услышал голоса персонажей и сокрытый за ними голос самого автора — и вступил с ним в диалог, постигая то, что дремало в самом тебе, соглашаясь и не соглашаясь, вопрошая. Понятно, что этот диалог вообразимый, и что твое общение, в отличие от

того, которое осуществляется в эмпирической действительности, тоже какое-то особое, духовное общение. И что в поле такого общения возникает и духовное общение с собой, которое, опять-таки, ни в коем случае не следует отождествлять с элементарным психическим актом рефлексии как самоконтроля. И происходит нечто, что уже и чтением книги не назовешь: возникает пространство духа, как пространство культуры возникает, разумеется, если ты всем существом экзистенциально и духовно в нем соучаствуешь, если оно продолжается в тебе. В этом пространстве те или иные Авторы-собеседники со множеством лиц, несовместимых позиций, противоположных интенций парадоксальным образом соединяются, превращаясь в Универсального Собеседника, а множество произведений культуры столь же парадоксально превращаются в единый дух культуры. Наш личностный дух и есть дух культуры в человеке. Через целостность духа культуры мы становимся причастны ко всему роду человеческому в его истории. И сами становимся не частичными, а целостными существами, полноправными представителями этого человечества.

Далее мы попытаемся конкретизировать эти положения о личности, в центре которой находится духовная инстанция, обратившись к экзистенциально-философской мысли Габриэля Марселя и Эжена Минковского. Марсель выстраивает свою экзистенциальную антропологию, в которой противопоставляются внешняя социальная оболочка, «я-функционер», и внутренний экзистенциальный субъект. Д. Мид называл их «I» и «Me»: «я» и моя социальная «роль». Марсель называет этот субъект «личностью» (“*personne*”), «духовным организмом», и противопоставляет ему «эго» (“*Ego*”) и «индивида» (“*l’individu*”).

Термин «экзистенциальное измерение» (“*l’indice existentiel*”), понимая под ним экзистенцию, почву мысли, предшествующую познанию, Марсель использует в своей первой работе «Экзистенция и объективность». Однако он придет к тому, что обоснования одного экзистенциального, как субъективного, конкретного и единичного, — в противовес объективному, абстрактному, всеобщему, недостаточно. Вопросая о том, «что есть я?», Марсель придет к тому, что я не тождествен ни своему телу, ни своей жизни. Есть нечто *за пределами* частной жизни, куда человек способен трансцендировать и откуда может осмыслить свою жизнь. Что же это за «место», трансцендентное жизни?

Марсель различает **жизнь и бытие**: «бытие и жизнь не совпадают: моя жизнь — и, по аналогии, всякая жизнь — может мне показаться никогда не адекватной тому, что я несу в себе, чем я, по сути, являюсь, но что тем не менее реальность отталкивает и исключает» [7, с. 215]. Во мне есть нечто *большее*, возможное, сокрытое,

чем то, что *проявлено* и дано. В этом смысле существование есть только видимый поверхностный слой явленного, готового, и в рамках существования «как оно *есть*» нет ничего, призывающего к изменению, преображению, восхождению к чему-либо большему.

Есть нечто, *большее* меня самого, моего конечного тела, жизни и «я», нечто «*сверхличное*». Это нечто пронизывает меня, в той мере, в какой я «проницаем», открыт, доступен (“*disponible*”) ему. Это нечто есть особое измерение, которое Марсель в работе «Человек, ставший проблемой» назовет «*трансцендентным*», или «духовным». Человек находится между небом и землей, между духом вверху и социумом внизу, соединяя их собой и в себе, своей личности — в некое уникальное единство (инкарнируя дух в плоть).

Согласно экзистенциальному мыслителю, основателю феноменологической психиатрии во Франции Эжену Минковскому, человек в своей жизни, в усилении, в этическом поступке соединяет дух, сознание и витальность в единое личностное произведение (“*l’oeuvre personnelle*”), проявляя их миру.

Э. Минковский также обращается к сфере трансцендентного как духовного. Но он помещает как сферу экзистенциального, так и сферу духовного внутрь человека. Что вполне согласуется с нашим пониманием. По Минковскому, сфера экзистенциального есть «*глубинное измерение*» — витальные глубины нашего существа, в которых я соединяюсь с вселенским жизненным потоком. Духовную же сферу он понимает как «*сферу духовной общности*» с тем, что превосходит меня и направляет меня, но которую... не возможно ни отделить от меня, ни точно определить», и носящую «сверхиндивидуальный характер» [8, с. 45]. Минковский говорит об этой сфере как об «одобряющем шепоте» невидимой общности самых человеческих из когда-либо живших людей, в решающий момент подсказывающем нам верный поступок. Что вполне совпадает с нашим представлением о духовном единстве людей в мире культуры и об Универсальном Собеседнике. «Будучи свидетелями этического акта, мы будем говорить только о реализации через этого человека самого “человеческого” в нас, того, что потенциально обще нам всем, того, что оживляет всю нашу жизнь» [8, с. 44]. Он поясняет, что эту духовную сферу можно назвать «*сверх-я*» (“*sur-moi*”) в человеке, только не во фрейдистском смысле, а в смысле направляющей меня силы: «Этот супер-индивидуальный фактор, несмотря на свою силу, не только не разрушает и не аннигилирует мою личность, но оказывается ее истинным предназначением. В особенно важных жизненных обстоятельствах, зная, что это я принимаю решение, разве я не чувствую, будто меня направляет некая превосходящая меня сила?» [8, с. 44]. Это роднит его с концепци-

ей «подсознательной духовности» как голоса совести В. Франкла. При этом, говоря о добре и зле, Минковский поясняет: «Речь не идет о простой конфронтации двух сил, которые, находясь на одном уровне, пытаются сразиться друг с другом. Плоская геометрия здесь не подходит. Т. к., когда мы проживаем подобный конфликт, мы не просто чувствуем, что находимся между двух противоположных полюсов. Более того, мы чувствуем движение, которое мы можем обозначить словами *подъем* и *падение*. ... Другими словами, речь идет не просто о выборе — идти направо или налево. Мы непосредственным образом чувствуем, что, вовлекаясь в одно направление, — мы *возвысимся*, а при выборе другого, наоборот — можем только *упасть*» [8, с. 105].

Мы видим, что Минковский вводит вертикаль, верх и низ, с которыми человек соотносит свой выбор. Однако он делает его не рационально, взвешивая «за» и «против», прогнозируя последствия, как он делает это в повседневной практике: «Здесь нет никакого выбора, т. к., по сути, выбор уже сделан. Никто рационально не выбирает между добром и злом. Здесь нет никакого решения, так как либо я поддамся и позволю себе соблазниться и упасть, либо я почувствую, как из глубины моего существа вырывается значительно превосходящая меня сила» [8, с. 106]. Единственный «результат» этического поступка — это то, что он «откроет перед нами все будущее и позволит нам охватить в мгновенной вспышке, во мгновение ока все величие, всю ценность, все богатство жизни» [8, с. 106]. Негарантированно и непреднамеренно — поднимаясь над собой, мы можем получить в дар «мгновение бытия», мгновение, в котором свернуто «все время».

Если я смогу породить в себе и своих поступках нечто общечеловеческое, я могу верить, что приобщился к духовной общности людей и заслужил бессмертие. Не в качестве «физического бессмертия» моей души, обитающей в некоем потустороннем мире. По Минковскому, все, что есть во мне лишь частного и индивидуального, само мое «я» — умрет. Останется лишь осуществленное сверх-индивидуальное. Останется, дописываем мы, — в культуре.

Взгляды Марселя, Минковского, Франкла, Ясперса, Тиллиха, а также их учителей Бергсона и Шелера совпадают в том, что человеческое есть духовное. И в той мере, в какой человек — человек, он духовен и его существование есть воплощение содержания его духа. Целостность личности упомянутые мыслители также понимают схожим образом: как единство духовного и психофизического (Франкл), органо-психического и антропо-космического (Минковский), духа и витальности (Тиллих, Шелер), экзистенции и разума (Ясперс), как инкарнированность духа в тело (Марсель), проявление сверхсознания в материи (Бергсон). Речь идет не о противопостав-

лении этих двух сфер, как в дуализме протяженного и сознающего у Декарта, а в подчеркивании необходимости «второго этажа», не-предметного, духовного измерения в человеке, которое «не дано» изначально, от рождения, но эволюция которого происходит всю жизнь в приобщении к общечеловеческой культуре. В этой духовной эволюции, по Минковскому, каждый человек составляет звено в непрерывной цепи становления человеческого.

В полном согласии с вышесказанным, и наш тезис таков: духовный уровень есть не данность, но задача. От рождения нам дан только биологический уровень и уровень «дореклексивной», «спонтанной экзистенции». В ходе социализации у человека формируется *Ratio*, что обычно сопряжено с подавлением экзистенции, вплоть до ее убывания. Возвращение экзистенции «к жизни» зачастую является задачей психотерапевта. Далее, над биосоциальным уровнем, даже в оппозиции к нему, формируется «внутренний мир» человека. Существование в качестве социальной функции, роли, навязанной извне, может привести к отсутствию (несформированности или исчезновению) самого «я». Рождение же в качестве личности есть «второе рождение» (Е. Минковский), которое невозможно вне «сферы духовной общности» (Е. Минковский), вне смыслового поля культуры (Н. А. Касавина). Согласно Н. А. Касавиной, от экзистенциального опыта, как таинства (по Марселю), как переживания, человеку нужно перейти к его осмыслению, упорядочению и ценностной интерпретации: «Чтобы распутать опыт, он должен обратиться к культурным архетипам, *внести в опыт* структуру смысла» [4, с. 128], соотнести его с «культурным измерением». Сказанное подтверждает наш тезис о недостаточности экзистенциального измерения и необходимости соотношения своей экзистенции с духовным измерением, на котором человек только и обретает целостность, как инкарнированный в плоть и экзистенцию дух. Необходимо подчеркнуть, что с появлением духа преображаются, одухотворяются все «нижележащие» уровни.

Ключові слова: цілісність, особистість, духовне Я, емпіричне Я, універсальний співрозмовник, дух культури.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврелий М. Наедине с собой. Размышления. Книга десятая. URL: <http://psylib.org.ua/books/avrel01/txt10.htm>.
2. Гуревич П. С. Проблема целостности человека. Москва, 2004.
3. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Т. 1. Москва: Терра-Книжный клуб, 2007.
4. Знаков В. В., Касавина Н. А. Экзистенциальный опыт. *Философский журнал*. 2018. Т. 11, № 2. С. 123–137.
5. Кант И. Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. Москва, 1966.
6. Логинова Н. А. Целостный человек как проблема в российской психологии. *Вестник пермского университета. Философия. Психология. Социология*. Вып. 2 (26).

7. Marcel G. Position et approches concrètes du mystère ontologique. *L'homme problématique*. Paris: Presence de Gabriel Marcel, 1998. P. 189–244.

8. Minkowski E. Le temps vécu. Études phénoménologiques et psychopathologiques. Paris: d'Artrey, 1933.

9. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

10. Сафронов А. Г. Психология религии. Киев: Ника-Центр, 2002.

11. Фриман С. В поисках Бога внутри себя. *Фома*. 2018, август. URL: <https://foma.ru/v-poiskakh-boga-vnutri-sebya.html>

12. Шелер М. Положение человека в космосе. *Избранные произведения*. Москва: Гнозис, 1994.

Поступила в редакцию 20.11.2018

*Рецензент д-р филос. наук, проф. И. В. Голубович,
дата рецензии 23.11.2018*

УДК 61:378.178:378.146:378.147:159.98

В. Г. Марічереда, д-р мед. наук, проф.,

О. П. Рогачевський, канд. мед. наук,

В. І. Борщ, канд. економ. наук,

Н. В. Кривцова, канд. психол. наук

СУЧАСНІ ТЕХНОЛОГІЇ ПІДВИЩЕННЯ ЯКОСТІ МЕДИЧНОЇ ОСВІТИ

Одеський національний медичний університет, Одеса, Україна

УДК 61:378.178:378.146:378.147:159.98

В. Г. Марічереда, О. П. Рогачевський, В. І. Борщ, Н. В. Кривцова

СУЧАСНІ ТЕХНОЛОГІЇ ПІДВИЩЕННЯ ЯКОСТІ МЕДИЧНОЇ ОСВІТИ

Одеський національний медичний університет, Одеса, Україна

В статті представлено аналіз доцільності реформування системи охорони здоров'я. Розглянуто основні принципи та стратегії підвищення якості надання медичних послуг, обґрунтовано необхідність змін у медичній освіті та запропоновано сучасні технології підвищення якості медичної освіти. Представлено результати психологічного дослідження готовності студентів-медиків до нової форми державного іспиту та доведено необхідність психологічного супроводу реформування медичної освіти. Подано досвід використання тренінгу-квесту (ділової гри «ОСКІ») щодо підвищення ресурсності особистості студентів-медиків у стресовій ситуації. Зроблено висновок, що об'єктивний структурований клінічний іспит (ОСКІ — Objective Structured Clinical Examination (OSCE)) — це не тільки сучасний тип оцінювання знань і практичних вмінь студентів, що дозволяє перевірити рівень набуття ними клінічної майстерності, які неможливо оцінити іншими традиційними формами іспитів, а й діагностично-розвивальний інструментарій освітнього коучингу, який можна використовувати для оцінки та підвищення рівнів особистісно-професійних компетентностей і ресурсності людини в цілому. **Ключові слова:** медична освіта, освітній коучинг, об'єктивний структурований клінічний іспит, тренінг-квест, ресурси синергії, самоефективність і самогармонізація особистості.

UDC 61:378.178:378.146:378.147:159.98

V. G. Marichereda, O. P. Rogachevsky, V. I. Borshch, N. V. Kryvtsova

MODERN TECHNOLOGIES OF MEDICAL EDUCATION IMPROVEMENT

The Odesa National Medical University, Odesa, Ukraine

The article presents an analysis of the feasibility of reforming the health care system. The main principles and strategies for improving the quality of medical services are considered, the necessity of changes in medical education and the proposed modern technologies for improving the quality of medical education are substantiated. The results of the psychological study of the readiness of medical students to the new form of the state examination are presented and the necessity of psychological support for the reform of medical education is proved. The experience of using the training-quest (business game "OSCE") in increasing the resourcefulness of medical students in a stressful situation is concluded. It is concluded that objective structured clinical examination (OSCE) is not only a modern type of assessment knowledge and practical skills of the students, which allows to check the level of their clinical skill acquisition, which can not be estimated by other traditional forms of examinations, but also the diagnostic and developmental tools of educational coaching that can be used to assess and improve the levels of person-professional competencies and human resource as a whole.

Key words: medical education, educational coaching, objective structured clinical examination, training quest, resources of synergy, self-efficacy and self-harmonization of personality.

За оцінкою Державної служби статистики України [4], залишається суттєвим перевищення кількості померлих над кількістю живонароджених (на 100 померлих осіб — 58 живонароджених), до того ж одну чверть від загальної смерт-

ності становить смертність серед працездатного населення. Україна має один із найгірших показників серед систем охорони здоров'я у європейському регіоні, а основними причинами смертності є неінфекційні захворювання (НІЗ), такі як серцево-

судинні та цереброваскулярні захворювання, хвороби обміну речовин тощо. Ці показники залишаються незмінними за останні роки, саме тому й запропонована Національна стратегія реформування системи охорони здоров'я в Україні на період 2015–2020 рр. [12].

Але втілюючи будь-яку реформу, зокрема медичну, важливо не забувати про постійне прагнення досягти не тільки максимальної ефективності певної галузі, а й покращання якості життя людини в цілому. Поступово усвідомлюється, що стратегія лише формує підґрунтя для розробки політики та прийняття рішень, а кожна фахова та громадська організація у сфері охорони здоров'я несе відповідальність за власне майбутнє. Ось чому мета стратегії реформування медичної галузі полягає як у визначенні ключових проблем охорони здоров'я, так і пошуку потенційних напрямів і шляхів їх розв'язання. Майбутня система охорони здоров'я має базуватися на усвідомленні того, що якість і безпека медичних послуг, їхня здатність адаптуватися до мінливих вимог і викликів сучасності в умовах кризи, гібридних війн і зростаючого розриву між складністю сучасного світу та здатністю людини продуктивно діяти в цих умовах зі збереженням власної унікальності й цілісності є головними заходами реформування системи охорони здоров'я. Враховуючи той факт, що навіть відмінна ідея — це лише півшляху до успіху, необхідно здійснити ретельний моніторинг існуючих досягнень і недоліків цієї галузі, формувати атмосферу, де виконання будь-якої діяльності регулярно оцінюється за результатами та є підставою для покращання роботи. Перш за все, система охорони здоров'я, яка складається з соціальних інституцій, управлінців, постачальників і покупців послуг, дослідників, викладачів і студентів-медиків, має дослухатися не тільки до потреб пацієнтів, а ще й потреб працівників. Процвітання може бути досягнуте лише шляхом формування довіри, діалогу та взаємоповаги між різними учасниками підвищення якості життя людини в цілому, а прийняття рішень на всіх рівнях реформування системи охорони здоров'я та її діяльність насамперед повинні зумовлювати результативність допомоги та/або профілактичних програм, фінансову захищеність пацієнтів і лікарів, якість роботи яких залежить від рівня особистісно-професійних компетенцій та готовності до самореалізації особистості.

Невід'ємною складовою трансформації системи охорони здоров'я щодо підвищення якості надання медичних послуг є зміни у фаховій освіті, які дозволять підвищити конкурентоспроможність вищої медичної освіти в Україні, вивести її на якісно новий рівень. Саме тому уряд прийняв рішення про впровадження єдиного державного кваліфікаційного іспиту, що сприятиме поліпшенню якості медичної освіти та надання медичної до-

помоги населенню України та дозволить створити комплексний підхід до проведення державних іспитів для здобувачів ступеня вищої освіти «магістр» за спеціальностями галузі знань «Охорона здоров'я» і забезпечить впровадження дієвих механізмів підвищення особистісно-професійних компетенцій фахівців-медиків. Згідно з [11], єдиний державний кваліфікаційний іспит складатиметься з таких компонентів: інтегрований тестовий іспит «Крок»; об'єктивний структурований практичний (клінічний) іспит, під час якого перевірятимуться практичні навички випускника; міжнародний іспит з основ медицини; іспит з англійської мови професійного спрямування.

Проте нагадаємо, що якість медичної освіти залежить не тільки від надання якісних освітніх послуг, а й від готовності студентів зробити надбанням власного життя отримані професійні знання та сформовані вміння і навички. Постає питання підвищення якості медичної освіти через створення відповідних умов самореалізації та самогармонізації особистості сучасного фахівця протягом життя, зокрема впровадження систем освітнього коучингу і педменеджменту щодо формування поряд із прийнятими базовими академічними професійними компетенціями (hard skills), а в зв'язку з тотальною комп'ютеризацією й становленням нової культури інформаційного суспільства ще й певних цифрових (digital skills) та соціально-особистісних компетенцій (soft skills) як у майбутніх фахівців-медиків, так і в усіх учасників освітнього процесу.

Наукові дослідження підтверджують характеристику студентського віку не лише як критичного, кризового, а й вирішального для становлення та прийняття суб'єктних якостей особистості, формування індивідуального стилю життя, коли настає час практичної самореалізації в певній сфері професійного буття [10]. А. Б. Леонова і А. С. Кузнєцова зазначають, що ефективність діяльності напряму пов'язана зі своєчасною профілактикою і корекцією негативних наслідків гострих і хронічних стрес-станів [9]. Дослідження Макмануса [3, с. 131] доводять, що професійний стрес медиків призводить до емоційного виснаження, деперсоналізації та редукції персональних досягнень, причому самооцінка персональних досягнень підвищує рівень стресу, а деперсоналізація діє як захисний механізм лікарів. Тобто зростання професійного стресу супроводжується зниженням почуття власної компетентності у роботі, а захищає від особистісно-професійного вигорання цинічне, бездушне відношення до пацієнтів.

Серед загальних скарг на стан здоров'я під час навчання студенти медичних вишів (115 юнаків і 157 дівчат віком від 17 до 28 років) частіше звертають увагу на підвищені розумові та емоційні навантаження, переважно, стреси, перепади настрою, погіршення зору, а щодо хронічних захворювань — найбільші скарги пред'являли на

наявність хронічної тривоги або депресії, мігрень і часті головні болі, а також було виявлено, що серед досліджених 60 % студентів вживають алкоголь, з яких 20 % стверджує, що причиною цього є зняття напруги [1]. Дослідження 813 осіб показало, що 54 % студентів-медиків Харківського національного медичного університету мають хронічну форму диссомнії, що дозволяє дійти висновку, що більше половини майбутніх представників медичних професій знаходяться в зоні підвищеного ризику в розвитку, перш за все, неврологічних і психічних розладів, діабету та зростання ймовірності порушень з боку серцево-судинної системи, у тому числі артеріальної гіпертензії, ішемічної хвороби серця, кардіо-васкулярної катастрофи в досить молодому віці, а стародавній заклик «згораючи сам, світи іншим» набуває для сучасних медиків іншого сенсу [2].

На наш погляд, саме від того, наскільки включеними в практику освітніх процесів є прогнозування ризиків, запобігання їм та підвищення ресурсності особистості фахівців у стресових ситуаціях, можливість проектування ідеальних моделей підвищення якості медичної освіти, розробки сучасних теоретичних концепцій розвитку вищої і технологій освітнього коучингу та педнедждменту, а також ефективних адміністративних рішень щодо їх впровадження, напряму залежить конкурентоспроможність випускників і навчального закладу в світовому просторі охорони здоров'я та підвищення якості життя сучасної людини в цілому.

За результатами досліджень потенціалу, ресурсів і резерву самореалізації особистості студентів і аспірантів медичних спеціальностей було створено сучасні освітні проекти, які враховують закономірності появи нової цілісності — освіченої людини, її аутопоезису та становлення «людського в людині» як складної різницево-багатовимірної полісутнісної системи/мережі, яка здатна до авто-еко-організації й готова до трансфесіоналізму [8]. Було запропоновано дві моделі освітнього коучингу: 1) лінійну психосинергетичну модель «Шлях до гармонії життя», у якій основна увага приділяється створенню певних умов щодо формування особистісно-професійних компетенцій; 2) нелінійну альфологічну модель «Від мрії до успіху», у якій досягнення успіху здійснюється за рахунок синергії та ефектів нелінійного синтезу [5; 8; 13]. До речі, використання «і» замість «и» — це не орфографічна помилка, а вказівка на узгодженість соціально-імперативного й індивідуального вимірів буття та становлення людини як складної аутопоетичної системи/мережі, синергійним ефектом чого стає ергономічність психологічного простору її самореалізації й самогармонізації в мінливих умовах взаємодії з Всесвітом на різних рівнях — природному, соціальному, культурному та при організації власного життя в цілому.

З метою забезпечення якісного процесу проведення об'єктивного структурованого клінічного іспиту (ОСКІ) з 2019 р. Одеський національний медичний університет керується Законом України «Про вищу освіту», Постановою КМУ № 302 від 27.03.2018 р. «Про затвердження Порядку здійснення єдиного державного кваліфікаційного іспиту для здобувачів освітнього ступеня магістра за спеціальностями галузі знань «Охорона здоров'я», державними стандартами вищої освіти, наказами та інструкціями МОН та МОЗ України, кваліфікаційними стандартами та іншими нормативними актами університету, прийнятими в установленому порядку.

Для перевірки готовності студентів і викладачів до нової форми атестації випускників-медиків, запропонованої урядом і прийнятої університетом, на базі міжкафедрального симуляційного центру ОНМедУ було проведено тренінги-квести, які імітували ОСКІ, спрямований на визначення й оцінювання рівнів засвоєння студентами клінічних навичок і особистісно-професійних компетенцій.

Нагадаємо, що наші дослідження психологічних особливостей самореалізації особистості дозволили дійти висновку про особливу роль ресурсів синергії в підвищенні якості її життєдіяльності в мінливих умовах кризи та інформаційного хаосу [6]. Було виявлено три функції ресурсів синергії, а саме: 1) як ресурсів індивідуальності особистості; 2) як показника аутопоезису людини як складної нелінійної різницево-багатовимірної динамічної цілісності; 3) як джерела трансцендентної функції потенціалу самореалізації особистості трансфесіонала, здатної до авто-еко-організації та самогармонізації на різних рівнях коеволюції зі Всесвітом [7, с. 7]. Саме тому, з урахуванням викладеного вище, було розроблено тренінг-квест (ділова-гра «ОСКІ») щодо підвищення ресурсності особистості студентів-медиків 6-го курсу ОНМедУ в стресовій ситуації іспиту та її готовності до атестації й отримання диплому за фахом. Запропонована освітня технологія дозволяє аналізувати та коригувати рівні самоефективності особистості через зняття протиріч між такими сферами буття людини, як навчання-робота-відпочинок і досягти синергічності, підвищити відчуття власної когерентності й автентичності в цілому. У ході тренінгу-квесту всі студенти виконували завдання однакової складності в однакових умовах і протягом однакового проміжку часу, які оцінювалися за допомогою програмного забезпечення із застосуванням стандартного інструменту (чек-листа), вони переміщувалися за індивідуальним маршрутом по 13 станціях — спеціально обладнаним приміщенням, що розміщені на двох поверхах, та імітували навчальну кімнату, кабінет поліклініки або реанімаційну залу, де було створено ситуації згідно з от-

риманим завданням, максимально наближених до клінічних (кейси), у яких студенти застосовують набуті теоретичні знання та практичні навички з базових клінічних дисциплін, а саме: внутрішня медицина, хірургія, педіатрія, акушерство та гінекологія, екстрена та невідкладна медична допомога, гігієна й екологія, соціальна медицина та громадське здоров'я. Перехід від станції до станції займав 1 хв, загальний час перебування на станції дорівнював 6 хв, з яких 1 хв надається на знайомство із завданням, а 5 хв — на його виконання. Оцінювалися такі типи особистісно-професійних компетенцій та навичок: комунікативні; когнітивні; базові практичні (мануальні) навички — техніка виконання фізикального обстеження; ускладнені практичні (мануальні) навички — фізикальне обстеження з метою ідентифікації та інтерпретації симптомів і синдромів; візуальне виявлення ознак або використання мультимедійних ресурсів. Десь на середині маршруту кожний студент перебував на станції відпочинку, де разом з психологом виконував дихальні вправи для зняття напруги і підвищення працездатності.

Перед початком тренінгу-квесту (ділової гри «ОСКІ») було проведено тестування щодо відношення студентів до нової форми іспиту, після якого проводився брифінг, де було надано інструкції щодо його проведення, а наприкінці — проведений дебрифінг, який включав технологію «самооцінювання шляхом участі», де було проведено тестування рівня тривожності студентів щодо справжнього іспиту у такій формі, обговорювалися складнощі, з якими зустрілися студенти під час тренінгу-квесту, а також вони мали можливості висловлювати власні думки щодо покращання якості надання освітніх послуг при підготовці фахівців-медиків і перевірки рівня їхніх особистісно-професійних компетенцій. На завершення дебрифінгу психологом були поставлені питання: «Чи здали б Ви справжній іспит сьогодні? Чи присудили б Вам кваліфікацію лікаря за результатами тренінгу-квесту (ділової гри «ОСКІ») Ваші знайомі, родичі та Ви особисто? Чи з'явиться особисто у Вас у цьому році номер телефону лікаря, до якого б Ви звернулися по допомогу та по допомогу для своїх літніх батьків та дітей? Що Вам особисто потрібно зробити і скільки часу потрібно, щоб цим номером телефону був насамперед Ваш власний номер?»

Участь у психологічному дослідженні прийняли 446 студентів 6-го курсу ОНМедУ зі спеціальності «Лікувальна справа», які були залучені до тренінгу-квесту. За результатами дослідження індивідуально-психологічних особливостей відношення до нової форми іспиту й аналізу особистісно-професійної готовності студентів-медиків до здачі ОСКІ було виявлено, що серед учасників тренінгу-квесту 190 осіб мають високий рівень тривожності та негативно-генералізо-

ване ставлення до нової форми іспиту й до будь-яких змін у житті, у 159 студентів зміна форми іспиту супроводжується незначним зростанням тривожності та лише 97 осіб спокійно сприйняли нововведення і готові до здачі ОСКІ. Аналіз ролі психологічної складової в підвищенні якості медичної освіти також показав, що використання тренінгу-квесту в процесі підготовки студентів-медиків до здачі ОСКІ знизив рівень тривожності в 217 осіб, а також дозволив виявити зростання рівня тривожності в 127 осіб через самооцінювання шляхом участі низького рівня власних особистісно-професійних компетенцій, необхідних для самокерування в стресових умовах та успішного складання іспиту, що дозволяє цю форму роботи практичних психологів університету розглянути як діагностично-розвивальну.

Отже, аналіз отриманих результатів показав необхідність психологічного супроводу реформування медичної освіти, а також дозволив дійти висновку, що об'єктивний структурований клінічний іспит (ОСКІ) (Objective Structured Clinical Examination — OSCE) — це сучасний тип оцінювання знань і практичних умінь студентів, який дозволяє перевірити не тільки рівень набуття ними клінічної майстерності, а й особистісно-професійних компетентностей, які неможливо оцінити іншими традиційними формами іспитів.

Ключові слова: медична освіта, освітній коучинг, об'єктивний структурований клінічний іспит, тренінг-квест, ресурси синергії, самоефективність і самогармонізація особистості.

ЛІТЕРАТУРА

1. Агамирья Л. В., Усенко С. Г. Здоровье молодежи как актуальный вопрос современности. *Постнеклассический дискурс: пути развития философии и методологии науки: материалы XIII Международных Пригожинских чтений* (14 сентября 2016 г. — 26 января 2017 г., 2 июня 2017 г., Одесса) / Одесск. нац. мед. ун-т и др.; ред. кол.: д-р филос. наук В. Б. Ханжи (отв. ред.) и др. Одесса: Печатный дом, 2017. С. 260–261. (Труды Одесского отделения Украинского синергетического общества.)
2. Арутюнян А. Ю., Гніденко В. С. Ретроспективный анализ влияния диссонанса на стан здоровья на прикладі студентів-медиків. *Постнеклассический дискурс: пути развития философии и методологии науки: материалы XIII Международных Пригожинских чтений* (14 сентября 2016 г. — 26 января 2017 г. — 2 июня 2017 г., г. Одесса) / Одесск. нац. мед. ун-т и др.; ред. кол.: д-р филос. наук В. Б. Ханжи (отв. ред.) и др. Одесса: Печатный дом, 2017. С. 261–262. (Труды Одесского отделения Украинского синергетического общества.)
3. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 336 с.
4. Демографічна ситуація у січні-листопаді 2018 року : Державна служба статистики України. URL: <http://ukrstat.gov.ua/express/expr2019/01/05.pdf>
5. Кривцова Н. В., Салех О. М. Психологічний супровід самореалізації особистості в умовах медичного університету. *Актуальні проблеми транспортної медицини*. 2018. № 2 (52). С. 55–63.
6. Кривцова Н. В. Психологічні особливості потенціалу самореалізації особистості: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01: Загальна психологія, історія психології / Одес. нац. мед. ун-т. Одеса, 2018. 296 с.

7. Кривцова Н. В. Психологічні особливості потенціалу самореалізації особистості: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01: Загальна психологія, історія психології / Одес. нац. мед. ун-т. Одеса, 2018. 20 с.

8. Кривцова Н. В. Шлях до гармонії життя: теорія і практика самореалізації. Одеса: Олді-плюс, 2017. 380 с.

9. Леонова А. Б. Стресс-менеджмент: печальная необходимость. Что подстерегает самых успешных менеджеров. URL: www.cpt21.ru

10. Нікітіна І. В. Суб'єктне самовизначення молодшої людини в період повноліття: монографія. Київ: КНТ, 2008. 192 с.

11. Про затвердження Порядку здійснення єдиного державного кваліфікаційного іспиту для здобувачів ступеня вищої освіти магістр за спеціальностями галузі знань «22 Охорона здоров'я»: Постанова Кабінету Міністрів Ук-

раїни від 28 березня 2018 р. № 334. URL: <https://www.kmu.gov.ua/ua/npas/pro-zatverdzhennya-poryadku-zdijsnennya-yedinogo-derzhavnogo-kvalifikacijnogo-ispitu-dlya-zdobuvachiv-stupenya-vishoyi-osviti-magistr-za-specialnostyami-galuzi-znan-22-ohorona-zdorovya>

12. Про Стратегію сталого розвитку «Україна — 2020»: Указ Президента України від 12 січня 2015 р. № 5/2015.

13. Krivtsova N. V., Salekh E. N. From the model to the technology of training of highly skilled medical specialists. *Journal of Education, Health and Sport*. 2018. Vol. 8, № 4. P. 519–529.

Надійшла до редакції 03.12.2018

Рецензент д-р мед. наук, проф. І. В. Савицький,
дата рецензії 06.12.2018

ТЕЗИ ДОПОВІДЕЙ КОНФЕРЕНЦІЇ

ОТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ МЕТОДОЛОГИИ К МЕТОДОЛОГИИ МНОГОМЕРНОЙ

Богатая Л. Н.

Одесский национальный университет
имени И. И. Мечникова, Одесса, Украина

Словосочетание *междисциплинарная методология* не является устоявшимся в современной философии науки. Еще более непривычно выражение *методология многомерная*. Но именно на фоне все еще продолжающихся разговоров о *меж-* и *трансдисциплинарности* прояснение перспективности дальнейшего развития многомерного подхода (многомерной методологии) видится особенно актуальным.

К концу XX в. в науке усилились бесчисленные дисциплинарные разделения. Для познания любого *реального* объекта стало необходимо «сшивание», соотнесение многочисленных дисциплинарных эпюр. Остро звучал вопрос: как соединять знания об одном объекте, которые получены в результате использования весьма различных подходов, методологии, исследовательских инструментов? Как организовать междисциплинарные действия?

Один из вариантов практической *междисциплинарности* указывает на многоактурное исследование одного и того же объекта. В современной науке возникают многочисленные *междисциплинарные исследовательские проекты*, наиболее крупные из которых осуществляются, чаще всего, «за семью замками» и, к сожалению, соответствующие методологические разработки не становятся предметом обсуждений широкого круга методологов и философов науки.

Еще один вариант практической *междисциплинарности* связан с разнообразными *транзитами*, к примеру — с *междисциплинарными терминологическими транзитами* из одной исследовательской лакуны в другую. Междисциплинарное перемещение терминов актуализирует появление новых смыслов. В результате подобных процессов устоявшееся *научное понятие*

превращается в *концепт* (понимаемый как *термин*, в соответствии которому ставится различное открытое множество смыслов). При этом отчетливо проявляется одна из задач междисциплинарных методологов: *последовательное изучение формирующихся концептов*.

Помимо *концепт-анализа*, можно говорить и о других направлениях приложения усилий специалистов в области междисциплинарной методологии, но пока видится необходимым аргументировать целесообразность самого факта выделения этого исследовательского модуса в самостоятельное методологическое движение.

Междисциплинарная методология непосредственно связана со *вторичной рефлексией* в ее разнообразных модификациях: вторичная рефлексия может осуществляться как *изнутри* той или иной дисциплины, так и *извне*, и это достаточно различные рефлексивные ракурсы. В любом случае, вторичная рефлексия — это «методологический» взгляд на то, что делает тот или иной исследователь, и главная задача подобного анализа сопряжена с выявлением метода (в той или иной его полноте), методологической преемственности, методологических отличий, новаций.

Процедура *рефлексии* является ключевой для междисциплинарной методологии, вокруг нее организовывается и развивается ряд важнейших методологических операций, таких как анализ *парадигм* и *эпистем*, *категориальный анализ*, исследование *концептов* и *конструктов* — все это системообразующие направления развития междисциплинарной методологии, достаточно близкие философской гносеологии, философии науки.

Именно по этой причине и возникает вопрос о том, к какой именно дисциплинарной зоне междисциплинарную методологию следует отнести.

В. Г. Буданов [3], к примеру, полагает, что это *новая методология*, которая может дальше развиваться в рамках проекта «Синергетика-3». Достаточно понятный аргумент «по сути» кажется не очень удачным «по факту».

Сама синергетика, проходя различные этапы своего становления (синергетика-1, синергетика-2), породила множество отрицательных эмоциональных шлейфов. Обсуждение причин неприятия синергетики некоторыми учеными и особенно философами может стать предметом специального исследования. Но сам факт неприятия, увы, очевиден. Поэтому и возникает вопрос: есть ли смысл использовать название, которое одним своим именем может перенаправить внимание на *иное*? Хотя справедливости ради следует согласиться с В. Г. Будановым в том, что элементы междисциплинарной методологии постепенно накапливались, в том числе, в рамках проекта «синергетика-2». Но если попытаться посмотреть на развитие методологии более широко, то и идеология междисциплинарности просвечивается и в системном подходе. В качестве примера можно привести развитие представлений об *атрибутивном* и *реляционном концепте* в ОПТС А. И. Умова или принцип «соотнесенного», о котором размышляет Л. Н. Терентьева (школа А. И. Умова). А сколько важнейших в методологическом плане идей было наработано в философии (в частности, в философии науки). И вот здесь всплывает «каверзный» вопрос: не являются ли разговоры о *междисциплинарной методологии* излишними, *избыточными*? Зачем вводить представления о «непонятном новом», если уже есть дисциплинарно устоявшаяся философская гносеология, философия науки, социальная эпистемология и многие другие современные дисциплины, в рамках которых накапливается методологическое знание?

Тезис, который будет предложен ниже, может показаться спорным, но его важно зафиксировать для привлечения внимания к целесообразности развития, с одной стороны, *междисциплинарной методологии*, с другой — к необходимости различения *междисциплинарной* и *многомерной* методологии.

Суть этого тезиса может быть сведена к следующему.

Междисциплинарная методология относится к ряду *новых дисциплин*, появляющихся в ситуации «*культурного поворота*».

К сожалению, в кратких тезисах нет возможности для детального прояснения выражения «культурный поворот», запущенного в активное интеллектуальное обращение, в том числе, благодаря работам немецкой исследовательницы Д. Бахманн-Медик [1].

К первому десятилетию XXI в. сформировались принципиально *новые условия* для исследований, проводимых в различных областях. Отмеченная новизна в определенной мере связана с размыванием устоявшейся «исследовательской» иерархии, на вершине которой располагались либо философия, либо наука (что было характерно для европейской культуры в последние столетия). К концу XX в. *техника* резко потеснила науку (как наука, в свое время, — философию, а философия — религию). В условиях современности все больше укрепляется понимание того, что *религия, философия, искусство, наука, техника...* есть ни что иное, как *культурные моды (модальности)*, каждая из которых задает особую *мерность многомерного культурного Целого*. Каждое историческое время в большей степени актуализирует ту или иную моду (модальность), переводя все остальные в некоторое контекстное состояние («режим засыпания»). Доминирование той или иной моды (ипостаси), с одной

стороны, способствует ее интенсивному развитию, с другой — приводит к *упрощающему привыканию к одномерности*. В результате и формируется человек «одномерный», которому сложно осознать мир в его реальной целостности, полимодальности. Одномерное развитие связано с многочисленными редукциями и одновременно агрессивными доминированиями религии, философии, науки, техники... К концу XX в. был накоплен печальный опыт «вычеркиваний» тех или иных культурных мод. Этот опыт именовался словами *атеизм, позитивизм, сциентизм, техницизм...*, и он всегда был связан с возвращением к более привычной одномерности. Однако при этом параллельно развивались практики освоения плюральности, междисциплинарности, сложности (сложности), и все это подготавливало к восприятию многомерности.

Культурный поворот — это своеобразный «венец» всех заявленных до этого момента поворотов. Поворот к *культуре* есть манифестация неизбежности освоения культуры не только как *сложной целостности*, но и как многомерного Целого или Целого, обнаруживающего себя мерностными модами. Эти мерности сосуществуют одновременно, находясь в синергичном взаимодействии. Культурный поворот во многом стимулировался проектом «синергетика-2», направленным на изучение сверхсложных человекомерных систем.

Конечно же, можно продолжать игнорировать сложность культурного Целого, осваивая только то или иное мерностное развертывание. Но *многомерный человек* неизбежно прорастает в *человеке одномерном*. И практический опыт многомерности требует проявления новых интеллектуальных технологий.

Развитие междисциплинарной методологии можно рассматривать в качестве первого шага. Но между междисциплинарностью-1 (первыми проявлениями междисциплинарности, возникшими в рамках синергетического, системного движения, разнообразных постструктуралистских практик) и междисциплинарностью-2 (ориентированной уже на развитие многомерности) следует улавливать существенное различие. Это различие связано с готовностью принятия того, что можно назвать *принципом мерностного различения*. Пережиты опыты непримиримой борьбы с той или иной *культурной шпостасью* и в качестве позитивного результата пережитого пришло понимание «недопустимости вульгарного смешивания». Именно по этой причине методологию междисциплинарности (в дальнейшем — многомерную методологию) не следует смешивать ни с философией науки, ни с гносеологией, ибо эти дисциплины развивались (развиваются) в рамках конкретных культурных мод, имеющих свои когнитивные приоритеты.

Многомерная методология ориентирована на исследование способов (путей) одновременного пребывания в различных культурных потоках, но при этом пребывания, актуализирующего потенцию мерностного различения. Отдельная культурная модальность изначально неполна и требует дополненности, позволяющей выйти на новый уровень понимания Целого.

В советских философских, энциклопедических словарях можно обнаружить *форму выражения* (формулу), которая во времена всплеска интереса к разнообразным *концепциям сознания* стала казаться неким

«философским монстром», рудиментом, словосочетанием, употребляя которое в кругах «философов сознания» стало «не совсем прилично». Речь идет о понимании философии, науки, искусства, ... как «форм общественного сознания». Действительно, современные исследователи сознания создают сверхновые лексиконы, которые сложно совместить с выражением «форма общественного сознания», и это вполне понятно. Но понятно и то, что существует «общее сознание» (общественное, коллективное, коммуникативное?). И интересно то, что именно к *общественному сознанию* впервые в конце 80-х годов был применен термин «многомерность» (см. по этому поводу более подробно [4]). Именно по этой причине можно предположить, что развитие многомерной методологии может стимулироваться, в том числе, и современными исследованиями *сознания* или, к примеру, новыми толкованиями *хозяйствования* (ибо хозяйствование — это тоже практика формирования целостностей, «Дома» (греч. οἶκος — дом, хозяйство, хозяйствование)) [2]. В экономике же целостность (прямо в духе сциентистского, позитивистского упрощения) была редуцирована до практики выискивания экономических законов. Греческие корни οἶκος — νόμος обрели свое одномерное толкование, в результате чего экономика стала *у-площенной* (искаженной) версией хозяйствования. Нечто подобное можно говорить и по поводу политики.

Из отмеченного вытекает, что *многомерная методология* (междисциплинарная методология-2) — это вовсе не набор *абстрактных фантазий*, а то, что связано с самыми актуальными направлениями современных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
2. Богатая Л. Н. Дом многомерного человека. *Академия знаний. Научный журнал*. Симферополь, 2010. № 3. С. 36–43.
3. Буданов В. Г. Третье рождение синергетики. *Философия освіти*. № 2 (21). 2017. С. 57–71.
4. Келле В. Ж. Идея многомерности в познании социальной реальности. *К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана*: материалы междунар. науч. конф. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Санкт-Петербург, 2001. С. 53. (Серия “Symposium”, Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Вып. 12.)

КОНЦЕПЦІЯ ПЕРЦЕПТИВНОГО СМISЛУ У ФЕНОМЕНОЛОГІЧНІЙ ЕСТЕТИЦІ М. МЕРЛО-ПОНТІ

Вячеславова О. А.

*Національний медичний університет
ім. О. О. Богомольця, Київ, Україна*

Проблема смислу, притаманного твору мистецтва, протягом ХХ ст. посідала помітне місце у західній естетиці. У 1990-ті роки, з кризою західного теоретичного мистецтвознавства, прийшло розуміння того, що задовільного вирішення зазначене питання не здало. Увага до нього серед фахівців існує і сьогодні, трансформована більш широкою проблематикою іконічного (пикторіального) повороту у філософії.

Разом із тим варто визнати, що, попри теоретичне оновлення української філософсько-естетичної думки останніх десятиліть, деякі важливі філософські концепції, продуктивні щодо вивчення мистецтва, залишаються поза увагою вітчизняних науковців. Зокрема це стосується феноменологічної естетики Моріса Мерло-Понті. У західному інтелектуальному просторі сьогодні триває «перевідкриття» філософії Мерло-Понті і впровадження його естетики у царину вивчення образотворчості.

Естетичні мотиви були вписані в антропологічний та онтологічний горизонти пізньої творчості філософа. Тому ідеї, важливі для розуміння образотворчих структур (викладені в есе «Око і дух», «Непряма мова та голоси мовчазності», «Сумніви Сезанна»), набули конкретизації та роз'яснення в низці пізніх незавершених праць філософа [3; 4; 5]. Окремої уваги заслуговує концепт перцептивного смислу, запропонований Мерло-Понті в контексті обговорення проблеми індивідуального стилю в живописі. Образотворче мистецтво виступає привілейованою формою вираження перцептивного смислу, дозволяючи безпосередньо долучитися до «смислу, що перебуває у владі видимої конфігурації» [2, с. 60–61, 85]. Значущість концепції стилю Мерло-Понті визначена тим, що він уперше звернув увагу на потенціальну здатність стилю створювати значення. Проте яким чином це відбувається?

Запровадження поняття *плоті*, яка водночас належить порядку «об'єкта» і порядку «суб'єкта», долає їх межі й утворює хізматичний «третій вимір» по той бік від картезіанських розмежувань свідомості та речі, стало основою здійсненого філософом утвердження автономії «порядку феноменального». Йому належать інтерсуб'єктивні феномени мистецтва, живої тілесності іншого, культури як такої. Перегляд фізичного пояснення естетології тілесності вело філософа до заперечення сприйняття як репродукції, до опрацювання «філософії бачення», яку «можна було б пошукати в живописних полотнах» [1, с. 22]. Остання на сторінках «Видимого та невидимого» розгортається у дослідження природи перцептивного смислу.

За Мерло-Понті, мистецтву, як і філософії, належить онтологічна функція «завоювання сирого, або дикого буття» [3, с. 151]. Світ дорефлексивного буття як горизонт оточує сконструйоване буття-об'єкт, і хоча він є «світом мовчання», «буттям, в якому з трудом можна впізнати ноєми», він, тим не менше, «є порядком, в якому мають місце позамовні значення» [5, с. 247]. Філософ визнає притаманність цьому мовчазному світу первинного «смислу до логіки» (Logos endiathetos), «логосу, що мається на увазі» [5, с. 244–246]. У пізніх працях Мерло-Понті ставив за мету у свій спосіб розв'язати феноменологічну проблему допредикативного досвіду і «прослідкувати у подробицях перехід від німого світу до світу, що говорить» [3, с. 224]. Образотворче мистецтво і було для Мерло-Понті «мовленням, що передує мовленню» [5, с. 278], мовою, що не втратила зв'язків-референцій з «німими речами», здатною бути «не маскою буття, а ... найбільш надійним його свідком» [3, с. 183–184].

Структурність смислової сфери Мерло-Понті визначав у кілька способів: це міркування про перцептивний і мовний логоси (logos endiathetos та logos prothoticos) [5, с. 244–246, 252, 255]; аналіз шаруватої структури смислу («чотири пласти невидимого») [5,

338]; нарешті, порівняння двох типів ідеальності, «горизонтної» та «чистої», у контексті полеміки з ідеями Гуссерля [3, с. 221, 223]. Онтологічно-первинна подія полягає, за Мерло-Понті, в тому, що «видиме (тіло) стає *порожнім* за допомогою невидимого смислу» [5, с. 277]. Міркування про «пористість» і «вагітність» буття, його «щілини», «розколини», «лакуни» та «складки» є способами виявлення смислу як «структури порожнечі», можливості для видимого «містити» невидимий смисл. Як наголошує Раджив Каушик, переплетення в онтології Мерло-Понті мистецтва та мови, зображення та тексту перетворює її насамперед на онтологію мови. Своєрідність такої «фігурної філософії», у якій твір мистецтва актуалізує онтологію, полягає в тому, що відбувається відміна рішучого розподілу між лінгвістичним смислом і чуттєвим світом, між буттям і лінгвістичними структурами [6; 7].

Ключовим у розумінні співвідношення видимого та невидимого стає концепт «вимір» (або «рівень»). Вимір постає внаслідок переходу «від порядку подій до порядку вираження» як результат «переключення» двох можливих режимів або способів бачення світу — режиму «факту» і режиму «сутності». У створюваній Мерло-Понті онтології видимого досвід бачення є не психологічним чи фізіологічним актом, а відкритістю буттю, «відкриттям виміру, ...рівня, щодо якого відтепер визначатиметься будь-який інший досвід. Ідея і виступає ... цим виміром...» [3, с. 220]. «Вимір» як «сутність» є відхиленням щодо «факту» (є ідеєю, категорією, значенням), тобто несе з собою семантичні зміни. Останні розглядалися філософом у контексті діакритичної концепції значення як розбіжності, запропонованої ним під впливом ідей Ф. де Сосюра.

Твори мистецтва допомагали Мерло-Понті висвітлити дію семантичного механізму перетворення «факту» на «вимір». Протиставляючи «світ» картини «реальному світові», філософ зазначав: «Ті ж самі відчутні елементи позначають там дещо інше, ніж в прозаїчному світі», стають «системою означення», «засобами інтерпретації світу» [2, с. 72; 5, с. 301–302]. Основою такого семантичного перетворення є «універсальність відчутного», що виступає «дзеркалом трансцендентності», його двозначний характер, здатність бути таким, що «мається на увазі». Вихід відчутного за власні межі філософ пояснював на прикладі кольору, що можна підкріпити зразками колористичних рішень живописних творів, зокрема, А. Матісса або багатьох українських митців. За Мерло-Понті, колір дається одночасно як якість визначене буття і як певний «вимір», вираз будь-якого можливо буття взагалі, достатньо йому стати домінуючим кольором освітлення — і він уже «перестав бути якимось кольором, здобув із себе онтологічну функцію і став здатним репрезентувати будь-яку річ» [5, с. 292, 295–297].

Та чи лише колір здатний виступати в ролі «виміру» в мистецтві? Звернімо увагу на одну із характеристик «вимірів» як того, що «має відношення з видимим, проте ... не може бути побаченим в якості речі» [5, с. 338]. Мерло-Понті дає огляд «латентних тілесних станів» (політ, рух без переміщення у вигляді вібрації або випромінювання, плин, плавання), вираз яких помітне місце в мистецтві ХХ ст. [1, с. 46–

48, 53]. Отже, на рівні художнього вираження «виміри» набувають статусу мови, утворюючи «систему еквівалентів» як перцептивний Логос і як основу індивідуального стилю в мистецтві [1, с. 45].

Розглянута опозиція «факту»/«виміру» може нагадати протиставлення образу та знаку в образотворчості, проте чи є підстави їх ототожнювати? Основою розрізнення факту та виміру виступає не розуміння твору як «повідомлення», а онтологія бачення, що констатує перцептивний смисл як притаманний світові. Разом із тим за певних умов Мерло-Понті вважає можливою феноменологічну адаптацію ідей теорії інформації [5, с. 277].

Таким чином, перетворення «факту» на «вимір», притаманне «горизонтній» ідеальності, яка «не чужа плоті» й виступає формою її сублімації, спочатку відбувається на рівні сприйняття; а далі, на рівні художнього вираження, «глибина, колір, форма, лінія, рух, контур» як виміри, «з трудом здобуті з видовища світу», через здійснення митцем експресивних операцій складають систему мови митця. Природа їхня онтологічна: вони не є суб'єктивними засобами, а «вплетені у тканину Буття» [1, с. 55], слугують смисловими «каркасними» видимого, «несуть» на собі перцептивний смисл. Структура двоїстого бачення веде до того, що будь-яка образотворча мова актуально або потенційно є непрямою мовою, оскільки художня плоть твору, хізматична за природою, здатна бути водночас «тілом духу» та «духом тіла».

ЛІТЕРАТУРА

1. Мерло-Понті М. Око и дух / пер. с фр., предисл., коммент. А. В. Густыря. Москва: Искусство, 1992. 63 с.
2. Мерло-Понті М. Косвенный язык и голоса безмолвия. *Знаки* / пер. с фр., коммент. и послесловие И. С. Вдовиной. Москва: Искусство, 2001. С. 44–94.
3. Мерло-Понті М. Видимое и невидимое. *Видимое и невидимое* / пер. с фр. О. Н. Шпараги; ред. Т. В. Щитцова. Минск: И. Логвинов, 2006. С. 9–227.
4. Мерло-Понті М. О феноменологии языка. *Знаки* / пер. с фр., коммент и послесловие И. С. Вдовиной. Москва: Искусство, 2001. С. 95–110.
5. Мерло-Понті М. Рабочие записи. *Видимое и невидимое* / пер. с фр. О. Н. Шпараги; под ред. Т. В. Щитцовой. Минск: И. Логвинов, 2006. С. 241–360.
6. Kaushik R. Art, Language and Figure in Merleau-Ponty: Excursions in Hyper-Dialectic. NY: Continuum, 2013. 156 p. DOI: 10.5040/9781472545473
7. Kaushik R. The Shape of Things: Separations and Symbolics in Merleau-Ponty. *Chiasmi International*. 2016. Vol. 18. P. 313–331. DOI: 10.5840/chiasmi20161827

СОЦІАЛЬНО-ЕКОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ «ПРАВА НА МІСТО»

Голубович І. В., Тихомірова Ф. А.

Одеський національний університет
імені І. І. Мечникова, Одеса, Україна

Населення, його економічна діяльність, соціальна і культурна взаємодія, а також екологічний та гуманітарний вплив більшою мірою концентруються в містах. Це створює величезні проблеми для збалансованості в тому, що стосується, зокрема, безпеки і при-

родних ресурсів житла, інфраструктури, продовольчої безпеки, охорони здоров'я, освіти, гідної роботи, основних послуг. За прогнозами до 2050 р., міське населення світу збільшиться майже вдвічі. Отже, урбанізація буде однією з найбільш значущих тенденцій XXI ст. за масштабами перетворень.

Починаючи з другої половини XX ст., зіткнувшись із виникненням ознак глобальної екологічної кризи, проблемами обмеженості та виснаження невідновних ресурсів, людство переосмислює питання переходу до екологічно збалансованого розвитку.

Наслідком уваги світової спільноти до даної проблематики стала поява програми «Сталий розвиток міст», за підтримки НАВІТАТ, у якій беруть участь багато міст світу. Стратегічний план збалансованого розвитку повинен бути спрямований на зміну міського середовища, поліпшення якості життя.

Принципи екологічно збалансованого розвитку дуже повільно опановують людську свідомість. Вони незвичайні, неординарні, до них дійсно важко звикнути: адже городянам потрібно усвідомити, що споживання не може бути необмеженим і що необхідно замислюватися над забезпеченням потреб усіх майбутніх поколінь.

Ідея «сталого розвитку» викликає багато суперечок, досі існують принципи протиріччя в стратегії і тактиці дій і питання. Чи може бути здійсненням сталий розвиток без швидкого економічного зростання, покликано виключити бідність і нерівність, або, навпаки, необхідний постійний ріст економіки? Чи може нинішнє покоління розв'язувати проблеми майбутніх поколінь, не знаючи їхніх потреб? На яких людей орієнтуватися в стратегії сталого розвитку: на звичайних городян або на людей з особливими екологічними поглядами?

У 2004 р. на Міжнародному урбаністичному форумі Міжнародний альянс жителів і Програма ООН по населених пунктах (НАВІТАТ) прийняли рішення про включення права на місто нарівні з житлом і чистою водою в список прав на предмети першої необхідності.

Термін «право на місто» з'явився наприкінці 60-х років XX ст. у працях Анрі Лефевра [3]. Активне його використання у політичних, юридичних та економічних дискусіях сприяло тлумаченню «права на місто» як права на краще, «людиновимірне» життя в умовах капіталістичного міста і суспільства представницької демократії. Серед тих, хто розвинув ідеї Лефевра, були Дон Мітчелл, Р. Мозес, М. Девіс і Девід Харві [2].

Низка громадських ініціатив, хвиля яких прокотилася спочатку по США, Східній Європі, країнах Латинської Америки, східних містах, таких як Стамбул, повернули його у дискурс міських досліджень у XXI ст.

Досягнення рівня розвитку, при якому люди у виробничій або іншій економічній діяльності перестають руйнувати середовище проживання, збалансованості економічних та екологічних цілей стає необхідною умовою подальшої урбанізації. Необхідне забезпечення збалансованості економічної та соціальної сфер, максимальне використання в інтересах населення тих ресурсів, які дає економічний розвиток міста.

Нова світова програма розвитку міст допоможе покласти край злидням і голоду у всіх їхніх формах і

проявах; скоротити нерівність; забезпечити гендерну рівність і розширення прав і можливостей усіх жінок і дівчаток, зміцнити здоров'я і підвищити життєстійкість і рівень добробуту людей та захистити довкілля [1].

Людство повинне і здатне забезпечити, щоб розвиток задовольняв потреби сьогодення, не піддаючи ризику здатність задовольняти потреби майбутніх поколінь.

Більшість українських міст можна досліджувати як палімпсести з глибинно перемішаними пластами соціоекологічних, техноприродних, локальних, національних і глобальних особливостей. Міста і регіони розробляють свої програми розвитку, стратегічні установки, які враховують світові та національні тренди й очікувані зміни в суспільному житті, природно-кліматичні умови; життєві стандарти, технологічний, інтелектуальний і громадський потенціал міського населення, ресурсні можливості, технологічні уклади і стан міського середовища.

У Україні у 2001–2002 рр. місцевою владою Києва, Донецька, Харкова, Маріуполя та Миколаєва за фінансової підтримки Британської Ради в Україні була створена Мережа екологічно стабільних міст. Проект SEPS 415 за участі британської компанії Global to Local був спрямований на впровадження екологічного управління за сучасними міжнародними стандартами. У 2011 р. свою участь у Мережі офіційно підтвердили 27 міст України.

Одна з основних проблем — комплементация звичного антропоцентричного мислення екоцентричним. Головне в цій проблемі — порівняно короткий час, виділений для становлення нової системи цінностей, необхідної для виховання і підтримки нових людських якостей — політичних, духовних, філософських, соціальних, культурних тощо.

Завдання, пов'язані з розвитком, потрібно вирішувати не тільки в інтересах тих, хто живе нині, але і майбутніх поколінь, що мають рівні права на ресурси. В основі стратегічного плану повинен бути гуманітарно-екологічний імператив, тобто принцип збереження і відновлення природи для нормальної життєдіяльності людей.

У соціально-філософському і соціально-екологічному сенсі «право на місто» скоріше можна визначати, спираючись на теорії справедливості та сучасні принципи збереження довкілля.

Збалансування економічних, соціальних і природних факторів зміни і розвитку сучасних міст пов'язане із соціальною справедливістю, стійкою економікою, екологічною стійкістю.

«Право на місто» у сучасних реаліях нерозривно пов'язане із соціально-екологічними вимогами. Важливо знайти шлях до соціоекологічної стабільності, орієнтуючись на демократично контрольовані й організаційні перетворення соціоекосистеми міста. Отже, стають необхідністю зміни в діяльності, у собі життя і мисленні.

ЛІТЕРАТУРА

1. Новая программа развития городов / Организация объединенных наций (ООН). 2016. URL: <http://habitat3.org/wp-content/uploads/New-Urban-Agenda-GA-Adopted-68th-Plenary-N1646659-R.pdf> (дата обращения: 11.04.2019)

2. Харви Д. Право на город. *Логос*. 2008. № 3. С. 80–94.
3. Lefebvre H. Writings on cities. Oxford: Blackwell, 1996. Vol. 63, № 2. P. 147–159.

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕМЫ ВЛАСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ФУКО И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА «ЗАБОТА О СЕБЕ»

Ивченко А. С.

*Одесский национальный университет
имени И. И. Мечникова, Одесса, Украина*

В настоящее время обнаруживается ниспадающий интерес к творчеству Мишеля Фуко. На Западе можно выделить «две волны» исследователей, изучавших наследие мыслителя. К «первой волне» относятся его друзья и коллеги, тексты которых составили «первый» корпус аналитических работ о Фуко (Ж. Делез, П. Адо, М. Бланшо). «Вторая волна» — это целая плеяда англоязычных авторов, в первую очередь, представляющих журнал “Foucault Studies” (С. Елден, П. Поттон, Д. Фаблон и др.). Естественно, что интерес к творчеству Фуко проявлен не только во Франции или Америке. К настоящему времени существует значительное число русскоязычных исследований, авторы которых обращаются к анализу творчества французского мыслителя.

Главная цель данной заметки состоит в самом общем анализе некоторых русскоязычных диссертационных исследований, посвященных творчеству М. Фуко.

Среди диссертаций, посвященных проблеме осмысления *власти* в творчестве М. Фуко были выделены исследования, в которых осуществляется социально-философский анализ интеллектуальных новаций М. Фуко.

1. Дискурс М. Фуко как методология анализа современных социальных институтов и процессов (П. Е. Кирилов, 2002).

Особенностью осуществленного анализа автор называет исследования дискурсологических интуиций М. Фуко, которые можно рассматривать как своеобразный методологический аппарат современного гуманитарного знания. В качестве ключевых категорий исследуются *власть* и *знание*. Автор выделяет роль дискурса для изучения наследия М. Фуко. История безумия, рождение медицины, опыт сексуальности, литературные проблемы авторства, истинность — все эти темы пронизаны и опосредованы теорией дискурса. Дискурсивная методология анализируется как закономерный этап развития структурализма и его влияния на формирование социального и гуманитарного знания в Западной Европе второй половины XX в.

Ключевое внимание в диссертации уделяется работам Н. С. Автономовой, посвященным творчеству М. Фуко, текстам Ю. Хабермаса, в которых рассматривается идея дискурсивного анализа М. Фуко как возможность создания нового типа знания, а также исследованиям темы борьбы за власть В. А. Подороги.

Значительным результатом анализируемой диссертации стал анализ развития дискурса власти, обозначены основные идеи и концепции, повлиявшие на творчество М. Фуко, выявлены дискурсивные стратегии Фуко, применяемые к анализу современного соци-

ального и гуманитарного знания («генеалогия», «археология», «архив»).

2. «Эволюция стратегий анализа власти в политической философии Мишеля Фуко» (С. С. Русаков, 2017).

Актуальность исследования С. С. Русакова заключена в постановке проблемы *эволюции* анализа власти в творчестве М. Фуко. Автор подчеркивает, что существуют уже достаточно много вариантов этапизации творчества французского философа. Но при этом сохраняется актуальность такой этапизации, при которой рассматривались бы изменения взглядов Фуко именно на *власть* и изменение способов ее анализа.

Фундаментом рассматриваемого исследования являются, опять же, труды Н. С. Автономовой, В. А. Подороги — авторов, которые анализируют и позитивно оценивают вклад Фуко в развитие гуманитарной мысли, подчеркивая его оригинальность, критическую направленность. Интересно то, что в работе анализируются также взгляды критиков М. Фуко — Ю. Хабермаса, Ж.-П. Сартра, Ж. Бодрийара.

Научная новизна проведенного исследования заключена в формировании новой этапизации творчества М. Фуко, автор впервые в русскоязычной литературе рассматривает власть в трех новых измерениях (политическом, неополитическом и «несобственно политическом»), что позволило по-новому взглянуть на такие концепты, как *настьерская власть* и *микрорфизика власти*. Автор выводит ряд новых понятий, до этого не используемых в русскоязычных исследованиях: *оператор* и *клиент власти*.

3. «Проблема власти в трудах Мишеля Фуко» (Э. Томпсона, 2001).

В контексте истории политических наук автор третьего анализируемого диссертационного исследования задается целью проанализировать творчество М. Фуко, но в той его части, которая касается анализа *общественного феномена власти*.

Основными источниками, естественно, помимо работ самого М. Фуко, его критиков и оппонентов (Ю. Хабермаса, Н. Фрейзер, П. Бурдьё, Ж.-П. Сартра и др.), опять же использовались статьи и работы российских авторов (Н. С. Автономовой, В. А. Подороги).

Научная новизна исследования (какой ее видит автор) заключается в попытке обозначить место и роль *пенитенциарных учреждений* как элемента политического государства. С привлечением новых источников, не переведенных до этого на русский язык, вводятся такие концепты, как «*паноптикум*», «*биофизика власти*», «*дисциплинарное общество*», «*диаграмма власти*». Эти концепты новы для русскоязычных исследователей.

Краткий анализ даже трех диссертационных исследований свидетельствует о том, что тема власти в ее переосмыслениях французским исследователем М. Фуко достаточно актуальна в русскоязычном социологическом и политологическом дискурсах.

Власть, с точки зрения Фуко, выступает как практика, необходимая для *заботы о других*. *Забота о себе*, в конечном итоге, есть эффект политики как отправления власти.

Выделяя два субъекта властных отношений (*оператор* и *клиент власти*), С. С. Русакова заключает, что оба субъекта власти обладают временными наборами

различных механизмов для осуществления властных полномочий.

Методы «археологии», «генеалогии» и «архив», как системы гуманитарного образования, затрагивают проблему перспективы образования. Огромную роль в этом процессе играет *учитель*, который непосредственно участвует в производстве новых типов власти и несет личную ответственность за результаты процесса.

Такие концепты, как «паноптикум», «биофизика власти», «дисциплинарное общество», «диаграмма власти», представляют зависимость индивида от формы контроля, господства, дисциплины над ними.

Тем самым *практики себя* являются определенными техниками, с помощью которых человек сопротивляется власти, испытывая на себе ее воздействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириллов П. Е. Дискурс М. Фуко как методология анализа современных социальных институтов и процессов: дис. канд. филос. наук: 09.00.11. Москва, 2006. 139 с.
2. Русаков С. С. Эволюция стратегий анализа власти в политической философии Мишеля Фуко: дис. канд. полит. наук: 23.00.01. Санкт-Петербург, 2017.
3. Томпсона Э. Проблема власти в трудах Мишеля Фуко: дис. канд. полит. наук: 23.00.01. Ростов-на-Дону, 2001. 134 с.

ТРАНСГЕНДЕР: СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКИЙ АНАЛІЗ

Куцепал С. В.

*Полтавський юридичний інститут
Національного юридичного університету
ім. Ярослава Мудрого, Полтава, Україна*

Досить вживаним соціокультурним конструктом у сучасному філософському дискурсі є гендер — своєрідний світоглядний та аксіологічний маркер, завдяки якому суспільство прагне нав'язати чоловікам і жінкам бажані для нього ролі, визначити лінію поведінки та сформувати систему пріоритетів.

Біологічна стать — це бінарна система, і з цим ніхто не сперечається, проте, окрім двох складових цієї бінарності, є ще «третьа стать», представники якої не можуть примирити свої прагнення та бажання, своє Я з тією тілесною оболонкою, яку отримали від народження. Людина, якій суспільство нав'язує певну гендерну роль, суперечливу її естеству, живе в стані дискомфорту та дисгармонії. Трансгендер — це людина, гендерна ідентичність чи гендерна презентація якої не збігається з біологічною статтю. Це люди, які вважають себе особами протилежної статі, а також люди з постійно мінливою гендерною ідентичністю.

Трансгендери змушені жити в ситуації постійного онтологічного розриву, адже вони психологічно, соціально, культурально знаходяться в іншому тілі, не знаходять для себе культурних і соціальних референцій. Індивід не може прийняти даного йому на підставі анатомічної статі гендерного статусу чоловіка або жінки і відчуває гостру незадоволеність ним. Крайнім виявом гендерного спротиву є явище агендери, коли людина взагалі не бажає відносити себе до будь-якої статі.

У соціальному плані трансгендери стикаються з масою проблем, найважливішою з яких можна вважа-

ти стигматизуюче відношення суспільства, яке чітко поділяє світ на світ чоловіків і жінок, до представників цієї спільноти. Відсутність гендерної просвіти має наслідком гендерне невігластво, коли пересічна людина не розрізняє трансгендерність і гомосексуальність або сприймає трансгендера як психічно хвору людину.

Консервативність суспільства віддзеркалюється й у сім'ї, де замість спроби зрозуміти і допомогти людині-трансгендера, робиться ставка на силу або примус. Подібна ситуація і в школі або іншому навчальному закладі.

Медицина також достатньо консервативна в плані обслуговування трансгендерів, величезною проблемою для яких є навіть така проста процедура, як отримання талона до лікаря у реєстратурі, проходження медогляду, не кажучи вже про візит до гінеколога або ендокринолога.

Неінформованість членів суспільства стосовно природи та сутності трансгендера призводить до трансфобії, пересічна людина уникає контакту з такими людьми, може проявляти відносно них агресію, ображати та принижувати їх. Причина такої поведінки також і в тому, що всі взаємини між людьми, на думку пересічної людини, будуються, спираючись на гетеросексуальну матрицю як єдино правильну, нормативну модель взаємин. Трансгендерні люди сприймаються як неповноцінні представники однієї з біологічних статей.

Суспільство має відмовитися від патріархальної гетеронормативної парадигми, відповідно до якої кожна людина повинна чітко усвідомлювати свою належність до тієї чи іншої статі, орієнтуватися на створення сім'ї та народження дітей.

XXI ст. репрезентоване у соціально-філософському дискурсі як століття толерантності до Іншого, сприйняття останнього не вигнанцем, як це було в минулому, а визнання його рівноправним членом соціуму. Одними з таких Інших можна вважати представників трансгендерної спільноти.

СИСТЕМНО-ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МЕДИЦИНЫ И НЕКОТОРЫЕ ЕЕ СВОЙСТВА

Нерубасская А. А.

*Одесский национальный университет
имени И. И. Мечникова, Одесса, Украина*

Человек — это уникальная система, которая по ряду причин (природных, социальных, экономических и т. п.) терпит разного рода сбои. Эти сбои можно назвать недугами, плохим состоянием, болезнями и т. п., в зависимости от степени недомогания. Поэтому и здоровье крайне узко определяют как отсутствие болезни. «Одновременно понимание многослойности и неоднозначности феноменов здоровья и болезни, начала и конца человеческого существования, внесло неопределенность в восприятие границ человеческого тела и человека в целом, актуализировало феноменологический и экзистенциалистический подходы к этим явлениям. В этой связи актуализировалось изучение: междисциплинарных связей медицины с гуманитарным знанием, в частности, с философией... Изучение характера сегодняшней медицины... требу-

ет пересмотра ее философско-методологических и мировоззренческих оснований и формирование новой современной онтологии, гносеологии и аксиологии медицины...» [2, с. 191–192]. В моем исследовании предлагается применить общенаучный метод (системно-параметрический), чтобы проанализировать свойства современной медицины.

Целью данных тезисов является определение системных дескрипторов медицины и анализ некоторых ее системных свойств.

Люди хотели бы родиться **здоровыми, чтобы жить, как им нравится, не задумываясь о последствиях**. Но это потребительское отношение к здоровью людей интересует гораздо в большей степени, чем научное или духовное отношение к телу как храму, который дан нам, и мы за него ответственны. Немецкий поэт, публицист, критик **Генрих Гейне** (1797–1856) писал: «Единственная красота, которую я знаю, — это Здоровье!» Я бы хотела обратить внимание современного поколения, особенно молодежи, на ту опасность, которая подстерегает человечество, к этому меня саму подтолкнула одна монография. В апреле 2014 г. в немецком издательстве “LAP LAMBERT Academic Publishing” вышла книга профессора, основателя украинской школы санологии Геннадия Леонидовича Апанасенко «Эпидемия хронических неинфекционных заболеваний: стратегия выживания». Вот что он пишет: «Перед человечеством стоит проблема, значимость которой пока не осознается в достаточной мере ни общественностью, ни наукой, — биологическая деградация вида *Homo sapiens*. Она проявляется ускоренным темпом старения, снижением “количества” здоровья (жизнеспособности), эпидемией хронических неинфекционных заболеваний, снижением репродуктивной функции, рождением ослабленного потомства и др. Все это является следствием снижения устойчивости неравновесной термодинамической системы (живого) по причине “митохондриальной недостаточности” на современном этапе социальной эволюции» [1]. В данной книге автор говорит о том, что человечество находится в точке фазового перехода, после которой жизнь либо исчезнет, либо перейдет на новый качественный уровень. Однако ученый склоняется к тенденции отрицательного исхода этого фазового перехода. Поэтому так важно сегодня вернуться к осознанию своей индивидуальности, «личности» (я рассматриваю как свойство, которым наделен человек), которая особым образом может как возродить, так и уничтожить абсолютно все, что ее окружает, включая саму себя. «Если жизнь человека действительно уникальный дар свыше, то реализация неповторимых и уникальных возможностей этой жизни возлагается исключительно на личность. Осмысливая непосредственность собственного бытия, как осуществление своего неповторимого жизненного назначения, человек попадает в духовную атмосферу, где и утверждается подлинно моральная ответственность» [2, с. 198]. В создавшейся современной ситуации в области реформирования медицины Украины, на мой взгляд, необходимо строить правильные отношения «врач — пациент», основанные на высоко этических и моральных принципах. Используя, системно-параметрический метод, разработанный украинским ученым А. И. Уёмовым [3, с. 105], определим концепт, структуру и субстрат меди-

цины, представленной как система. Используя представления о современной медицине киевского ученого, доктора наук Светланы Пустовит, выделим концепт. В данном случае он будет атрибутивный. В него войдет все то, что должна включать в себя медицина: «чаяния и надежды пациента, веру в разум, добро, счастье, свободное развитие, солидарность, справедливость» [2, с. 193]. В параметрической общей теории систем атрибутивному концепту соответствует реляционная структура, которая включает взаимоотношение врача и пациента. Реляционная структура реализуется на субстрате, в данной системе это будут сами люди. Используя атрибутивные параметры, рассмотрим свойства данной системы, проанализируем некоторые системные свойства, присущие системе «медицина».

Один из бинарных атрибутивных параметров — это системы с опосредованием и без опосредования. Система медицины является системой без опосредования, т. к. элементы ее структуры (пациент и врач) функционируют напрямую друг с другом, т. е. непосредственно. Но она может быть и опосредованной, если рассмотреть нововведение украинских реформаторов, а именно: консультирование пациентов через «скайп», «вайбер» и т. п., т. е. другие элементы. Только будет ли она в этом случае более эффективной, вызывает у меня сомнение. Кроме опосредованности, этой системе характерна регенеративность, но она не является авторегенеративной, т. е. не требующей для своего восстановления помощи других систем. Наоборот, система медицины постоянно нуждается в этой помощи для своего восстановления. Этими системами могут выступать общество, политическая сфера, экономика. Еще один интересный параметр, на мой взгляд, это «завершенные — незавершенные» системы. Медицину можно отнести к завершенным системам, т. к. присоединение к ней новых подсистем может ее разрушить. Я считаю, что чем больше степень ее завершенности, тем больше ее эффективность и более высокое качество в отношении оказываемых услуг. Также систему медицины можно отнести к минимальным системам, т. к. ликвидация любой из подсистем структуры ликвидирует всю систему. Например, если ликвидировать подсистему пациентов, врачам некого будет лечить. Медицина, как она была определена в данном исследовании, — нестабильная система, т. к. разрушение структурного отношения пациент — врач приведет к разрушению системы и образованию другой. Стабильные же системы допускают изменения в структуре без разрушения системы в целом.

В заключение отметим, что в двойственном системном моделировании предполагается и двойственное системное определение рассматриваемого объекта (в нашем случае медицина). В рамках данного исследования мы его не проводим, но медицину можно определить и по другим дескрипторам с реляционным концептом и атрибутивной структурой, что может поменять и некоторые ее атрибутивные параметры. В рассмотренной нами системе «медицина» были определены атрибутивный концепт и реляционная структура, а также выявлены некоторые свойства данной системы. Она опосредованная, регенеративная, но не авторегенеративная, завершенная, минимальная и нестабильная по параметру структура.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апанасенко Г. Л. Эпидемия хронических неинфекционных заболеваний: стратегия выживания. Германия, Сарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 260 с.
2. Пустовит С. В. Гуманизация современной медицины: онтологические аспекты. *Постнеклассический дискурс: пути развития философии и методологии науки*: тезисы в материалах 13-х Международных пригожинских чтений. 14 сентября 2016 г. — 26 января 2017 г. — 2 июня 2017 г. Вып. 13. Одесса: Печатный дом, 2017. 296 с.
3. Уёмов А. И., Цофнас А., Сараева И. Общая теория систем для гуманитариев: учеб. пособие для гуманитариев. Польша: Uniwersitas Rediviva, 2001. 276 с.

ТРАНСГРЕСІЯ ЯК ПРИНЦИП ДОСЛІДЖЕННЯ ГЕНДЕРНИХ ПРОБЛЕМ У КОНТЕКСТІ ПОСТГУМАНІЗМУ

Повторева С. М.

*Національний університет
«Львівська політехніка», Львів, Україна*

Принцип трансгресії (у значенні подолання кордонів, виходу за межі усталених структур) має важливе методологічне значення в гуманітарних студіях. Категорія границі (межі) безпосередньо стосується питань мови, історії, культури, педагогіки тощо. Цей принцип щільно пов'язаний зі структурним розумінням відмінності, оскільки кордони створюються лише на основі різниці, відмінності, іншості; через усвідомлення границь дискурсивних утворень відбувається їхній перехід і подолання.

Базове у гендерних дослідженнях поняття «гендер» (gender), яке у перекладі означає «стать» (sex), охоплює значно більш широке, ніж стать, коло якостей і відносин, що характеризують людське життя. Більшість дослідників пов'язують гендерні дослідження із соціальними відносинами: «Ми розуміємо гендер не як якість особистості, а швидше, як результат і одночасно причину різних соціальних відносин, як засіб легітимізації одного з найфундаментальніших розподілень у суспільстві» [6].

Принцип трансгресії є методологічно значущим у найсучаснішому напрямі гендерних досліджень — жіночих студіях (О. Забужко, Л. Ірігарей, Ю. Крістева, Г. Кубі, С. Павличко, Е. Сісу, І. Р. Чикалова, Є. І. Янчук та ін.). Існує точка зору, що дослідження з жіночих студій, феміністська критика модерністських фундаменталістських епістемологій випередили чоловічі дискурси, постструктуралізм і постмодернізм, оскільки задовго до них акцентували увагу на відмінностях, усвідомленні кордонів та їх подоланні в контексті у дискурсивному просторі сучасної культури. Водночас поняття трансгресії, базоване на категорії відмінності, передбачає не лише визнання мінливості меж, які водночас і підривають, і дислокують різні конфігурації культури, влади і знання, але є теоретично-філософською основою загальної боротьби за поліпшення становища пригноблених верств суспільства. Адже створені в рамках домінування існуючі межі можуть бути піддані сумніву та перевизначені через різні форми трансгресії [2, с. 81].

У контексті гендерних досліджень трансгресія означає вихід за межі панівного чоловічого дискурсу та створення дискурсу жіночого. Саме в цьому представ-

ниці гендерних студій вбачають розв'язання не лише жіночих, але й значно більш широкого кола проблем [3–5]. Одна з відомих дослідниць з цих питань Донна Гаревей вважає, що жінкам слід надати можливість рухати культуру далі, ніж це дозволяють «дисфункціональні гендерні полярності», однак підкреслює, що «поверхового, легкого розпаду колись застиглих гендерних конструктів ще не досить» [4, с. 160–161]. Д. Гаревей — американська представниця теоретичного фемінізму, почесний професор факультету феміністських досліджень і факультету історії свідомості Каліфорнійського університету в Санта-Крузе. Її вважають основоположницею кіберфемінізму і «нового матеріалізму», центральною фігурою сучасної епістемології, феміністських досліджень науки і технологій, а також постгуманізму загалом. Вона закликає вирватися за свої кордони і взяти на себе відповідальність за будівництво кордонів, а також тішитися з перестановки кордонів і відповідальності за їх будівництво. Це формулювання мало значний вплив на розхитування і руйнування традиційних бінарних опозицій західноєвропейського дискурсу, оскільки сприяло усвідомленню в колах представників фемінізму того факту, що дуалізм невід'ємний від західних традицій, що він спричинився до панування над жінками, людьми з темною шкірою, природою, робітниками і тваринами.

Д. Гаревей вважає, що гендерна, расова або класова свідомість — це здобуток, накинтий жадливим історичним досвідом суперечливих суспільних реальностей патріархальності, колоніалізму, расизму та капіталізму. Слід і саму категорію гендеру піддати структурному аналізу, оскільки вона надзвичайно складна, побудована на суперечливих статевих наукових дискурсах та інших суспільних практиках [4, с. 161]. Реальну можливість подолання кордонів Д. Гаревей вбачає в технічному розвитку суспільства, високотехнологічній культурі, яка кидає виклик усім різновидам дуалізму в незвичній спосіб. У контексті цієї нової культури, у кіберсвіті, неістотно, хто творець, а хто створений у стосунках між людиною і машиною, неясно, що таке розум і що таке тіло, коли йдеться про машини, які беруть участь у практичному кодуванні. У цьому світі фемінізм може знайти можливості й засоби опору із середини, пірнувши в саму серцевину кібернетичної сфери («череві страховиська»). Образність кіборгів може бути виходом із лабіринту дуалізмів, якими ми пояснюємо собі наші тіла та знаряддя. Адже машини і будують, і руйнують ідентичності, категорії, відносини та ін.

Розробці цих ідей дослідниця присвятила працю «Маніфест кіборгів: наука, технологія та соціалістичний фемінізм 1980-х» [1], що набула значного поширення в західній гуманітаристиці. Скорочена версія перекладу цієї книги українською мовою міститься в журналі «Політична критика», <https://vcrc.org.ua/pk/>, а повний її текст доступний у каталозі виставки «Гендер в Ізоляції», <https://warehouse.izolyatsia.org/box/549b5fb68f>. «Маніфест кіборгів» — іронічна утопія про любов між людьми, живими організмами та машинами. Американська «біологиня і філософиня» Д. Гаревей аналізує вплив новітніх технологій на постколоніальну систему влади, критикує стратегії західного фемінізму і соціалізму. «Я хочу бути кіборгом, а не богинею», — заявила Гаревей, закликаючи до політики кіборгфемінізму. За Гаревей, кіборг —

гібрид машини та організму, інша соціальна реальність і водночас породження фантазії. Йдеться не лише про те, що людське тіло зміниться завдяки новим технологіям; разом із ним модифікується і спосіб мислення. У кіборга нема статі, отже, й звичні категорії сексуальності тут незастосовні. Нова в будь-якому розумінні людина не вписується в нинішні соціальні рамки. Кіборг потребує нової, постгендерної моделі суспільства. Метафору кіборга Гаревей, критикуючи традиційні погляди на фемінізм, застосовує, щоб підштовхнути феміністок піти далі усталених понять про стать і гендер. Вона запропонувала уявити альтернативну реальність, у якій люди будуть отожднювати себе з кіборгами — принципово новим, безгендерним класом. «Маніфест» став одним з програмних текстів постгендеризму — руху, націленого на знищення соціальної нерівності шляхом стирання гендеру. У цій роботі послідовно проводиться принцип трансгресії. «Мій міф про кіборгів, — зазначає Д. Гаревей, — це міф про перейдені кордони, про масштабні об'єднання та небезпечні можливості, що їх прогресивні люди могли б дослідити, у такий спосіб виконавши істотну частину необхідної політичної роботи» [1]. «Маніфест кіборгів» став заклик до єднання людей, до опору загрози світового панування, яку вона вбачає у державних структурах, створених чоловіками, адже невідома держава, яку можна було б назвати жіночою. Д. Гаревей відкрила широкий простір перед дослідниками феміністської орієнтації в ділянці проблематики гендеру, раси, етнічності, статі в контексті загрозливих військових, наукових, корпоративних, технічних і технологічних проблем.

ЛІТЕРАТУРА

1. Харауэй Д. Маніфест кіборгов: наука, технологія і соціалістический фемінізм 1980-х. Изд-во AdMarginem GARAGE, 2017.
2. Жиру Г. Гранична педагогіка і постмодерністські політики. *Гендерна педагогіка*. Суми, 2006. С. 80–91.
3. Забужко О. Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій. Вид. 3-тє, виправл. Київ: Факт, 2007. 640 с.
4. Кеплен Е. Е. Жіночі студії. *Енциклопедія постмодернізму*. Київ, 2003. С. 154–163.
5. Кубі Г. Гендер — нова ідеологія руйнує сім'ю. Тернопіль: Мандрівець, 2016. 32 с.
6. Чикалова І. Р., Янчук Е. І. Гендер. Новейший философский словарь. Минск, 2003. С. 227–228.

АНТРОПОЛОГІЧНИЙ ВИМІР ОНТОЛОГІЗАЦІЇ ГОСПОДАРСТВА

Спаський І. Д.

*Одеський національний економічний університет,
Одеса, Україна*

У сучасній Україні та в деяких аспектах у всьому світі спостерігається криза ідей, дефіцит сенсів і зниження рівня життєвих сил, що веде до загострення багатьох глобальних проблем — від соціальних до екологічних, від духовних до побутових. Осмислення та подальший розвиток ідей філософії господарства надає надійний базис щодо розв'язання багатьох проблем сучасності. Філософське осмислення господарства у

його тотальності надає можливості, піднімаючись до узагальнення логосних, енергійних і субстанційних аспектів, розкриваючи динаміку онтологізації на різних рівнях буття, створити методологічну основу онтологічного конструювання господарства, спрямованого на подолання ентропії та онтологічної недостатності, у яких на загальному рівні міститься джерело існуючих проблем сучасності [3].

Філософська антропологія, як напрям думки та конкретна практика, надає багатомірний евристичний інструментарій, завдяки якому від повсякденності до духовного буття розкривається цільність людини у її відношенні до зовнішнього та внутрішнього онтологічного простору.

Термін «економічна антропологія» став використовуватися з 1927 р., але перші фундаментальні дослідження були опубліковані раніше. Йдеться про цикл робіт Б. Малиновського «Аргонавти західної частини Тихого океану» (1922), «Злочин і звичай в суспільстві дикунів» (1926) і «Сексуальне життя дикунів Північно-Західної Меланезії» (1929). Істотну роль у розвитку економічної антропології зіграла праця М. Мосса «Нарис про дар» (1925).

Безумовно, у названих дослідників були попередники. Серед них Н. І. Зібер, автор праці «Нариси первісної економіки» (1881), і К. Бюхер, автор «Виникнення народного господарства» (1893). Економічна антропологія багато в чому продовжила традиції німецької історичної школи політекономії. У центрі уваги антропологів виявлялися ті ж проблеми, які цікавили економістів історичного спрямування: зумовленість економічних процесів особливостями культур, ідея про специфічний, інший, порівняно з розвиненим товарним суспільством, типом господарства в первісному суспільстві, тобто господарством, існуючим у традиційних культурах мисливців і збирачів, і першими стадіями землеробства. Більшість антропологів заперечували можливість застосування панівних на той час в економічній науці концепцій для вивчення економіки традиційних культур.

На рівні економічних відносин дефіцит сенсів відображається у зниженні інноваційної сприйнятливості та підвищенні економічної інерції. Зниження рівня енергії та підвищення ентропії у зниженні рівня ділової активності підприємців і поглинання їхньої енергії під дією різноманітних факторів. Пізнання господарства у синтезі інтуїтивного та дискурсивного методів надає можливість удосконалення практики повсякденності та в цілому філософії життя.

Крім того, в умовах, коли амортологічні процеси досягають критичної маси, виникає потреба щодо знаходження філософсько-методологічної основи перетворень у сатеріологічному контексті, що надає можливість комплексно та всебічно розв'язувати накопичені проблеми.

Починаючи зі Стародавнього світу, розвивається знання з онтології. Містичний досвід проживання буття та його осмислення характерні для Стародавнього Китаю, Стародавніх Індії та Греції. Пізнання й осмислення буття у єдності інтуїтивного та дискурсивного пізнання знайшли певне відображення у німецькій школі класичної філософії та російському космізмі. Безпосередньо вчення про господарство представлено у «Філософії господарства» С. М. Булгакова [2]. Цей напрям розвивається і донині. Крім того,

розуміння господарства може бути суттєво збагачене внеском філософів-екзистенціалістів.

Однак не повністю розробленим є синтетичний погляд на господарство як логосної, енергійної та субстанційної цільності. Не вистачає комплексного підходу до визначення та філософського осмислення процесу онтологізації у сучасних умовах на різних рівнях його перебігу. Не дуже чітко ставляться проблеми господарства в амортологічному контексті. Крім того, важливим аспектом є соціологічна трансформація господарства в його функційній інтеграції, що багато в чому знаходиться за межами філософсько-методологічного визначення.

Спроби щодо узагальнення внутрішнього буття та зовнішньої діяльності людини мають багаторічну історію. Уже в Стародавньому світі зроблено розкриття певних ідей щодо здійснення економічної діяльності, її ролі у бутті людини, історичних шляхах тощо. Даосизм, легізм і конфуціанство у Стародавньому Китаї, Упанішади Індії, ідеї господарства Арістотеля [1] та устрій держави Платона у Стародавній Греції, вчення про обмін і розвиток суспільства братів Граха у Стародавньому Римі — уся ця палітра думки розкриває на певному рівні цілісність обсягу та глибину проблем, які турбували мисляче людство тисячоріччя тому. Таким чином, у просторі історії розкривається зв'язок між цілісністю, глибиною та повнотою буття і людською діяльністю в житті. Це детальніше розкривається у вченні про Дао Лао-цзи та у вченні про буття Платона й Парменіда.

ЛІТЕРАТУРА

1. Арістотель. Політика. Сочинения: В 4 т. Москва: Мысль, 1975. 1983. Т. 2.
2. Булгаков С. Н. Философия хозяйства / отв. ред. О. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
3. Тутов Л. А. Философия хозяйства: предмет и методы исследования: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. Иваново, 2005. 324 с. РГБ ОД, 71:06-9/24, с. 48–76.

ЖАН ПІАЖЕ ПРО ВІДМІННІСТЬ ПІДХОДІВ ЛОГІКИ І ПСИХОЛОГІЇ ДО ВИВЧЕННЯ МИСЛЕННЯ

Чурсінова О.

*Національний університет
«Львівська політехніка», Львів, Україна*

Дослідження відмінності між логічним і психологічним розумінням мислення було одним із предметів вивчення відомого швейцарського психолога Жана

Піаже. У його працях [1; 2] ці відмінності окреслювалися так.

1. Основним завданням логіки як науки про мислення є пошук відповіді на питання про істинність і хибність, а також умови отримання правильного чи помилкового знання в результаті використання логічних операцій мислення. Мета психологічних досліджень у вивченні мислення полягає в пізнанні його як одного з психічних процесів людини, включаючи виділення й опис видів мислення, характеристику групових та індивідуальних особливостей мислення різних людей, зв'язок мислення з іншими психологічними властивостями людини, дослідження в його динаміці.

2. Логіка пізнає мислення як деякий процес, абстрагуючись від характеристик конкретних живих людей як його носіїв, тимчасом як основною проблемою психології мислення є його вивчення як індивідуально своєрідного процесу, безвідносно до істинності чи хибності, зроблених на його основі висновків.

3. Для логіків реально існує і є предметом їхніх досліджень тільки вища форма мислення — словесно-логічне. У психології визнається існування багатьох видів мислення, і всі вони розглядаються як предмет психологічного вивчення.

4. Логіка мислення не розглядає мислення людини в процесі його розвитку. Для психології характерне вивчення процесу становлення й удосконалення мислення людини і є однією з найважливіших завдань.

5. Логіка вивчає формальну сторону мислення, не розглядаючи питання про його природу і походження. Психологія перетворює сам факт існування словесно-логічного мислення в проблему й у відношенні до нього ставить і розв'язує питання про генезис мислення.

6. Логіків цікавлять тільки загальні, формальні закони мислення, на відміну від психологів, які проявляють підвищений інтерес до його індивідуальних проявів та особливостей.

Отже, виходячи з міркувань Ж. Піаже, можна дійти висновку, що те ж саме явище — мислення — у психології та логіці постає та проявляється в різних суттєвих рисах, що, з одного боку, дозволяє побачити процес мислення у різних площинах і контекстах, а з другого — дійти висновку про взаємну доповнюваність таких підходів.

ЛІТЕРАТУРА

1. Піаже Ж. Избранные психологические труды: психология интеллекта, генезис числа у ребенка, логика и психология. Москва: Просвещение, 1969. 659 с.
2. Піаже Ж. Психология интеллекта / пер. с англ. и фр. Санкт-Петербург: Питер, 2003. 192 с.